

Владимир АКСЁНОВ

ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

**«РЕНОМЕ»
Санкт-Петербург
2006**

ББК 84. Р 7
А 424

Главный редактор – Швец М.Ю.
Художник-дизайнер – Ясыченко М.Б.

Аксёнов В. И.
Годовые кольца: – СПб.: ИП Генкин А.Д., 2006 – 240 с.

ISBN 5-98947-013-4

Книга избранных стихотворений представляет большой творческий путь поэта: от поэмы до афоризма в стихах, или наоборот. Автор затрагивает не только личные, но и социальные, и социально-исторические темы. Книга, без сомнения, вызовет интерес у широкого круга любителей и ценителей поэтического слова.

© Аксёнов В.И. 2006
© Швец М.Ю. Предисловие. 2006
© ИП Генкин А.Д. 2006

Что такое тема в литературе? На самом деле, это не только содержание сюжета, это – в творчестве – еще и источник вдохновения. Тема для Владимира Аксёнова имеет огромное значение.

Его поэзия чрезвычайно психологична. Для него основной темой является – человек со своими неотъемлемыми достоинствами и недостатками, со своими личными чувствами и мыслями, со своими индивидуальными проблемами.

Владимир АКСЁНОВ

Большая часть лирики Аксёнова – от поэмы до афоризма имеет сюжет. И на каком бы материале не строился этот сюжет, будь то история, личный опыт или информация из окружающей действительности, автору интересно не только то, что произошло, но ещё и – почему так случилось, что подтолкнуло героя на тот или иной неординарный, а может быть, и вполне очевидный поступок.

Владимир Аксёнов – один из немногих поэтов сегодня, работающих в стиле художественной автологии.

Этот трудный и редко встречающийся стиль определяется употреблением в поэтическом тексте слов и выражений в их прямом, непосредственном значении. А. Квятковский справедливо считал, что «художественная автология противостоит металогической или фигуральной речи своей реалистической точностью».

Такие стихотворения Аксёнова, как «Закон о пяти колосках» и «Воспоминания о детстве» убедительно доказывают справедливость приведенного выше высказывания.

Именно, ясная, реалистичная до пронзительности точность, детальность, достоверность придает этим произведениям статус поэтического слова.

Автология, как приём, действует, способствует раскрытию главной темы автора, помогает показать характеры героев, их внутренний мир.

Аксёнов не щепетилен, он, наоборот, откровенен. К предельной откровенности обязывает сама выбранная тема.

Максим Швец

Члены семьи Владимира Аксёнова. Январь 1957 г.

Первый ряд (слева-направо): бабушка – Анна Авксентьевна, дед – Тимофей Федулович, сестра бабушки – Пелагея Авксентьевна.

Второй ряд (слева-направо): отец – Иван Тимофеевич, жена – Елизавета Абрамовна, Владимир Аксёнов, мать –Екатерина Павловна.

*Посвящается памяти
Анны Авксентьевны и Тимофея
Федуловича Аксёновых, бабушки и
дедушки, в трудные годы
обогревших меня своим теплом.
Вечная им память!*

ИЗ КНИГИ «ВСТРЕЧА»

1996

На горной тропе,
Где чертова высь,
Где в сторону шаг
И – пропал,
Встретились двое
И, чтоб разойтись,
Один другого
Обнял!

Скажи, Вуокса, у тебя
Желанья не было такого,
Чтобы, размыв все берега,
По ниве побежать бы новой?
Преобразить свою судьбу?
О русле, так тебя сковавшем,
Забуть – и оторваться вдруг
Осенним листиком опавшим?
Скажи, Вуокса, ты горда
Своим извечным постоянством
Иль тяготит тебя оно
И хочешь нового пространства?

Молчит река. Течет вода
И вдаль несет рыбацьи лодки.
О берег лишь плеснет волна,
Как будто вздох реки короткий...

ПРИЗНАНИЕ

Ох, как часто тебе я лгу!
Обстоятельствам не перечая,
Слова срываются с губ
Неожиданно лживой речью.

Ох, как часто себе я лгу,
Утешаю себя, усыпляю.
Перед жизнью всегда я в долгу:
Ищу, нахожу, теряю...

Я маминых слез не помню,
Я помню улыбку ее.
Варила в мундирах картошку.
Чугунок водружала на стол.

Садилась мы, пятеро братьев,
Пальцы картошка жгла.
Круто солью солили
И было нам хорошо!

Старшему шел девятый.
Младшему было два.
Похоронку на серой бумаге
Мы смогли прочитать потом.

А когда мы сами отцами
Стали, поняли все!
Маминых слез не помним.
Мы помним улыбку ее.

Среди множества снежинок,
Роем крутящихся вокруг меня,
Есть одна,
Которая,
Растаяв на моем лице,
Скатится слезинкой.

СТАРИК

Деду, Тимофею Федуловичу

О многом корни кедра мне напомнили,
Бугристые, как жилы на руке...
Я помню: на покосе ли, на поле ли,
Нас восхищала сила в старике!
Подумать только, под восьмой десяток,
А он от молодых не отставал!
В труде сноровист, в разговоре краток,
Он ослаблений для себя не знал.
Он без труда не мог пробыть и часа,
Как без труда не может быть река.
И не мешало, что четыре класса –
Вот все образование старика.
Есть что-то от земли, от звезд, от ветра,
От всей природы что-то в стариках,
Не потому ли эти корни кедра
Напоминают жилы на руках?

НА ПОКОСЕ

Солнце встало. Холодок
Постепенно испаряясь,
Удалялся на восток.
Вытер пот со лба дедок
Рукавом своей рубахи,
Взял тяжелый оселок,
Крякнул, ухнул и с размаху
По росистой по косе,
Как смычком скрипач, зазвякал.
Глянул ласково дедок
В голубое поднебесье:
В яркой утренней красе
Солнце вышло из-за леса!
Сплюнул весело дедок,
Молвил тихо: «От, зараза!
Ну и жаркий будет день,
Если солнце жарит сразу!
Ну, да ладно, не впервой»...
И коса его запела
По траве, по луговой...

СОНЕТЫ К ЛЮБИМОЙ

1

Когда бы вовсе не было тебя,
То и меня бы не было на свете
Такого, как сейчас. На всей планете
Все по-другому б было без тебя.

Когда бы вовсе не было тебя,
Не так бы облака по небу плыли,
Не так бы девушки парней любили, –
Все по-другому было б без тебя.

Кого благодарить и сам не знаю,
Что от любви к тебе я весь сгораю,
Что ты на свете есть, и я – живу!

Ты, женщина простая, не Мадонна,
Но солнце смотрит на тебя влюблено,
Тобою бредит ветер наяву.

2

Сильна природа мудростью своею.
Ты посмотри на этот тихий сад,
Где в беспорядке, якобы, стоят
Стволы деревьев, краскою белея.

Ты посмотри, как листьями горят,
Ты чувствуешь, как цветом своим греют?
И семя свое мудро в землю сеют,
Чтобы весной ростков поднялся ряд.

И семена лежат, в земле неслышно.
Пока не расцветут весною пышно,
Пока их солнце щедро не согреет.

И, кстати, здесь сказать совсем не лишне,
Что только в паре плодоносят вишни,
Что только в паре облепиха зреет.

3

Мечтал я встретить даму неземную
Прекрасную, как небо голубое,
Как лилия, как море на покое;
Я б любовался ею, не ревнуя

К богам Олимпа. Ею б жил и грезил,
Мечтал бы, по ночам о ней тоскуя.
Ведь только для мечты о ней живу я
И только для меня лик чистый светел.

Но встретил я тебя в короткой стрижке,
В хрустящих джинсах и с усталым взглядом,
Реальную любовь, не ту, что в книжке,

И понял: больше ничего не надо,
Все остальное выдумки, излишки, —
Была бы только ты со мною рядом.

4

На озеро легла ночная мгла;
Уснула Ладога, утихли волны.
Леса стоят, весенней негой полны.
Луна за тучи до утра ушла.

На берегу чернеет тихий куст,
В раздумье ветви над водой повисли,
Как будто их гнетут ночные мысли.
Вокруг куста песчаный берег пуст.

Ночь бесконечной чередой длится.
Лежу уставши, распростершись ниц я
В палатке опостылевшей пустой.

Опять близ Ладоги мне до утра не спится.
Меня тревожат дальние зарницы
И поцелуи берега с волной...

Нет хуже тосковать среди полей.
Идешь один нехоженой дорогой.
Стоит трава на поле недотрогой.
Курлычет где-то стая журавлей.

Вот прилетели юркие синицы.
Но, в сущности, и с ними одинок.
Как почерневший в поле этот стог,
Душа моя тоскует и томится.

Неужто даже росные поля
Не значат ничего без глаз Людмилы;
И только ею эти травы живы?

Скажи мне откровенно мать-земля,
Неужто нет без женщины нам мира?
Ведь Бог сказал: «Не сотвори кумира!»

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

«В год тысяча трехсот двадцать седьмой
В апреле, в первый час шестого дня»
Увидел он Лауру и огня
Любви хватило на весь путь большой.

Уже глубоким стариком, седой,
Просматривая все стихи свои,
Как юноша, писал он о любви,
Как в тот далекий год двадцать седьмой,

Когда впервые повстречал Лауру,
Обожествил и до небес вознес,
Воспел ее походку, руки, нос,

Ее желанья, мысли и культуру.
Так я б хотел твой образ пронести
В душе моей до смертного пути.

Вновь сердце холодком охватит,
Ударит гулко в грудь мою,
И мысль мелькнет: с какой же стати
Я мучаюсь опять и жду?
Я – хорошо познавший в жизни
Смысл многих истин прописных,
Опять, как по родной Отчизне,
Тоскую о глазах твоих?
Я – столько раз познавший подлость,
Познавший низости друзей?
А солнце светит, как подробность
Улыбки ласковой твоей...

ПИМЕН

Пимен был забавный человек.
На склонах гор он пас своих овечек.
А поутру, в свой турий рог трубя,
Встречал восход, волнуясь и любя.

Пастушка Лора, дочь старого еврея,
Была юна и с Пименом нежна.
Но сын Израилев дал Пимену по шее,
И в пастуха вселился сатана.

Притихший Пимен был мрачнее тучи,
И только случая удобного искал,
Чтобы всеильный Бог как можно лучше
Неверного еврея покарал.

Ну и Пимен! Вот так человек!
В горах оставил он своих овечек.
Змеею ночью вполз в шатер еврея,
Накинул петлю он ему на шею!

В краю, где пахнет морем и пустыней,
Легенда древняя о том жива поныне.

Скрылся за лесом хвост электрички. Стекает
По лапам деревьев осенний туман струйкой влаги.
Сумрачный вечер ложится на плесы Вуоксы.
Сердце в виски молоточками гулко стучится.
Что же, впервые мы что ли расстались с тобою,
Ты просто уехала к сыну развеять печали.
Но почему на душе так тоскливо и глухо,
Но почему так вороны зловеще кричали?

Ты говоришь, что я идеализирую тебя,
Ты говоришь, что не такая, кокой я представляю тебя,
Но разве тебе не понятно,
Что, если б тебя не было,
Я все равно бы выдумал тебя.
Так Господь, создавая мир,
Не мог обойтись без хрупкой бабочки,
Чтобы придать миру
Завершённость.

На этом свете все измерено,
Все взвешено и вновь проверено,
Замечены и вновь изучены
Полет лучей и рек излучины,
Размер планет, сейсмографичность,
Вращение земной толщи.
Но как измерить можно личность,
Землетрясение души?

Черемуху сразили наповал.
Она лежала, листья бронзовели.
Прощаясь, ветер ветки целовал,
И птицы отходную песню пели.

Черемуха была немолода,
И это как-то все же утешало;
Ведь что ни говори, берут года,
И тут уж как-то надо бы без жалоб;

Давно привыкнуть надо бы к тому,
Что у природы – как в любом доме.
Но почему тогда так птаха скачет

По старым веткам, по сухой листве,
И хохолок поник на голове?
Над старым гнездовищем она плачет...

И в час печали, в час разлуки
Хочу я видеть над собой
Большой Медведицы излуки,
Как ты, с судьбою непростой.

Висит на небе, как монисто,
Над головой моей горя,
Окаменевшая Каллисто,
Когда-то нимфа, дочь царя.

Терзаем ревностью, обидой,
В созвездье нимфу превратил –
Зевс в тот же час с тоской увидел,
Что в гневе через край хватил.

Не так ли я, тебя ревнуя,
Готов навеки превратить,
Как скульптор, в статую нагую,
Чтоб одному всю жизнь любить!

Слова,
Невысказанные,
Камнем канули в душу,
Как в омут;
Круги разошлись
Далеко-далеко...

Человек бился с врагом
В жестоком бою –
Даже не поседел.

Потерял друга;
Стоял над его могилой,
Долго молчал,
Крепился.

Возвратился домой.
Женщина обняла его,
Ласково прошептала:
«Милый!»

...И он заплакал!

Тяжело слушать
Скорбные оплакивания,
Когда умираешь в друге.

Совсем невыносимо,
Когда друг умирает в тебе!

Я хочу быть тем мальчуганом,
Что гонял голубей.
Голубятня
Та давно, наверно, истлела.

Я хочу быть тем пацаном,
Что нырял солдатиком браво
С деревянной высокой вышки.
Та вышка, наверно, истлела.

Я хочу быть сыном примерным,
Чтобы мать никогда не знала
От меня никаких огорчений.
Я хочу быть... да поздно: давно уж
И могила мамы осела...

Душа, как чайник –
Столько накопело на дне!
Еще больше
Ушло с паром...

Тот первый снег, который
Так искренне любил,
Не знаю как, но все же
Я навсегда забыл.

И речку, в ней водичка
Была, как молоко,
В ней научился плавать,
Забыл ее легко.

Но отчего грустится
Вечернею порой,
Когда пушистых, легких
Снежинок вьется рой?

Но отчего вздохнется,
Когда увижу я,
Как в озере смеется
И плещет ребятня?

Мы в детстве рвались в небеса,
В моря далекие стремились.
Мы открывали чудеса,
А в школе кое-как учились...

Взрослели мы. Средь суеты
Все постепенно забывалось.
Но от мальчишеской мечты
Наколка с якорем осталась...

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Над полем,
Где снег темно-белый,
Над льдом,
Потрескивающим зло,
Над лесами тихой Карелии
Сияние, сияние возшло!

На небе оно
Так сияет,
Что взгляд оторвать
Нельзя!
Всеми цветами играет
Ночная эта
Заря!

Мы смотрим вверх молчаливо
На ленту сияния,
Она,
Как кожа змеи красива
И, как змея, холодна!

Аэродром за рощей был. Когда-то
Мы бегали ватагой босиком,
Смотрели, как над заревом заката
Летели истребители гуськом.

Сколько было споров, разговоров,
И восхищенье не сходило с лиц,
Мы знали все о мощностях моторов,
Как знали о повадках вольных птиц.

В мечтах себя пилотом каждый видел,
И сердце колотилось вдруг всерьез,
Когда летел могучий истребитель
Над самыми верхушками берез...

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Стоят угрюмо самолеты –
В грозу по небу не летать.
В порту укрылись пароходы –
Разбушевался шторм опять.
А поезда и в дождь, и в ветер
Идут по рельсам вдаль, звеня.
И понял я: дорога эта
Железной названа не зря!

Когда из пике
Выйдешь круто
И кровь отхлынет
От виска,
Поймешь,
Что прожита минута,
Которая
Равна векам...

Линия НКВД,
Знаменитая 58!
Пункт первый,
Второй
И так далее...
Врагов народа арестовывали по ночам,
Везли на расстрел
На автофургонах
С надписью «Хлеб».
Они становились
Хлебом земли,
С пульей в затылке...

Хорошие хлеба
Растут теперь
На этих полях.

Каждое утро и вечер
Ладога моет берег,
Как заботливая мамаша
Свое единственное дитя.

Песок шоколадным блеском
Отсвечивает на солнце
Такой стерильно-чистый,
Что хочется попробовать на язык.

Не с берега ли Ладоги
Брал Господь песок и глину,
Чтобы создать Адама?

ПАМЯТИ ИГОРЯ ТАЛЬКОВА

На картофельном поле, весной,
Меж рядами взошедшей ботвы –
Я не знаю тому кто виною –
Трупик птички лежал. Головы
Поворот был ее неестествен,
Видно, шею ей кто-то свернул.
Горло, спевшее столько песен,
Не сплет теперь ни одну.
Тишина опустилась на поле,
Только хрустнул сучок от боли...

В далекой стране под названием – «Юность»
Молодой человек, лопухий бездельник,
Шатался порою от нечего делать
По берегу Ладоги, ловко кидая
Плоские камни;
Подсчитывал сколько «блинчиков» сделал
И был счастлив безмерно
От здоровья – кровь с молоком;
От больших ожиданий – все впереди!
Полвека прошло...
Другой молодой человек от нечего делать
Кидает плоские камни, считает «блинчики»...
Другой человек,
Молодой,
Почти мальчик!
Круги расходятся по воде,
Исчезают, как годы...

Сыну Константину

В детстве
Меня очень удивлял
Барон Мюнхгаузен,
Который за уши
Вытаскивал себя из болота.
«Разве такое бывает?» –
Думал я.

И только теперь,
Когда стал лыс и сед,
И в груди появились
Какие-то хрипы
(Вероятно, последствия
Сложно прожитой жизни),
Только теперь до меня дошло,
Что Мюнхгаузен
Говорил чистую правду.
Ведь и я
Дожил до седин
Только благодаря тому,
Что умел сам себя
Вытаскивать за уши!

Сгорает, как заря,
Осенняя осина.
– Что было – было зря?.. –
Она меня спросила.

Шуршит, звенит листва,
Землицу прикрывая.
Какие тут слова
Сказать и сам не знаю.

Я так же, как и ты,
Осеннею порою
Однажды навсегда
Глаза свои закрою...

ГРОЗА

Гроза поцелуи дарила
Тучам, деревьям, осоке;
Горели от поцелуев
Щеки небес высоких.

Бабушка у окошка
Стояла и тихо крестилась,
По форточке приоткрытой
Дождинка слезой скатилась.

Полумесяц, рот разинув,
Пьет спокойно тьму ночную,
Среди тучек и проталин
Потихонечку кочуя.

Я плыву по звездам ясным,
Весла тихо поднимая;
Жизнь, как эта ночь, прекрасна –
Напевавет ветер мая!

ШТОРМ НА ЛАДОГЕ

Берег ныряет как рыба,
Попробуй его достать.
До берега доберись-ка,
Тогда доживешь до ста!

Кто сказал, что волны
Рыбаку нипочем?
Но сумей раздвинуть
Их своим плечом!

Вперед, вперед, хоть тресни,
Делай взмахи сильнее!
Ладога – озеро пресное,
Но любит соленых парней!

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

Восемнадцатый век надевает парик.
Сокол дикий в небе зорко парит.
На возделанном поле истома.
Конь оседланный около дома.

Солнце шаром кровавым восходит в зенит.
Под окном конь упрямо уздечкой звенит,
А хозяин его в мезонине
Нежно ручку целует кухне.

Завтра в тихую, волглую, темную рань
Понесет его конь на жестокую брань,
Чтоб России страха не ведав,
Распатронить и турок, и шведов!

Восемнадцатый век. Боевая труба.
Барабаны. Костры. России судьба.
Солдатские туги косы.
От штыков колонны белесы...

СУВОРОВ

Все говорили: «Он чудак,
Везение, счастливый случай.
Вот Прозоровский –
Тот мастак.
А этот генерал –
Простак,
В Европе есть его получше.
Потемкин – это голова.
Граф Панин строг и знает дело!»

А он не слушал их слова.
Он знал, что ждут его дела,
И к цели шел заветной смело.
Кинбурн! Очаков!! Измаил!!!
(Ах, видите, опять везенье!)
А он, знай, супостатов бил,
А после боя говорил:
«Помилуй Бог, нужно ж уменьье!»

СТАРЫЙ МИФ

Жил-был когда-то, до нашей эры, царь Хаммурапи:
Борода седая торчала лопатой, волосатые лапы,
В серебре и злате была одежда, подштанники даже!
Когда сон снисходил на его вежды, караулила стража
С большими мечами, страшными пиками,
удар их точен.
Многие мечтали со светлыми ликами
предстать пред очи,
Пред царские очи предстать,
челом ударить, душой излиться,
Правду царю сказать,
а потом, черт с ним, хоть топиться!
Но царь этот древний был совсем не глуп
и большой вельможа.
Он знал: деревенский проситель туп,
потребовать не сможет.
Тем более, у самого царя мощнейшая стража –
Не пропустит она никого зазря,
мгновенно накажет.
Возлежав на ложе, царь возмущался порою сильно,
Грозился недовольных истребить,
землю полить кровью обильно!
Но вдруг осенило: он же владыка, его право исконно!
Потребовал скрижали, сатрапам сделал втык,
засел за законы.
Двести семьдесят две статьи, как одну,
занес на скрижали.
Эти проклятые статьи всю страну тисками зажали.
Эти законы, составленные умно, со знанием дела,
Ни пешим, ни конным объехать не дано –
так захотел он!
Теперь, по закону, и плюнуть нельзя –
оскорбленье величия!
Глаз чиновника, по статьям скользья,
научит приличию!
Ну, а в общем, был порядок везде, хотя и суровый.
Этот миф о сильном вожде, как видим, не новый.

СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО

Умирал Иоанн, царь Всея Руси,
Князь Московский, Смоленский и прочая.
Но по-прежнему грозно топорщил усы,
Глаза гибель холопам прочили:
Дескать, что ж допустили недуг мой, почто
Не смотрели лекари. Где они?!
... На дубовом столе недопитый штоф –
царь любил ночью пьянствовать с девками.
Для своих удовольствий преград он не знал –
Он умел потворствовать похоти.
Царь женился, судил и головы снимал
Своим верным подданным походя.
А в великом страхе люди были тихи,
Убоявшись такого насилия.
«Попущением Божиим за наши грехи
Взъярился Иван Васильевич
На все православие по злых людей
Совету Басмана да Юрьева
Учиниша опричнину, как гусей
Бьет холопей несчастных. Чур его!»
Но холопам царя на Бога ль роптать,
От Него ожидая подмоги?
В своем раболепстве они целовать
Готовы царские ноги!
Все ж настала минута в жизни царя,
Видно, правда кривду осилила:
От гниения внутри все члены горят!
«Ох, за что смерть такая, Россия?
Я ль не сделал единой строною тебя
И мечом не пробил выход к морю?
А что грозным был, бояр не любя,
Так об этом с тобою не спорю.
Был разгневан зело я строптивостью их,
Усмирял топором на плахе!»
Царь устало очи закрыл и затих,
Ожидая ответа со страхом.
Но вновь оживился, на локте привстав:
«Я сломил мощь Казанского ханства!»
И снова поник. И вдруг прошептал:
«Прости мне моё окаянство!»

ПЯТЬ СОНЕТОВ К САМОМУ СЕБЕ

1

Понять себя? Да если б стало сил
Все, что годами на душе копилось,
Все, что от глаз чужих в душе таилось,
Все, что, как груз, на сердце я носил

И, как извозчик ломовой, возил,
Ни сыну, ни жене не доверяя,
Себя подчас надеждой ослепляя –
Все выплеснуть на свет? Но нету сил!

Нет сил взглянуть попристальной на душу
И оценить с житейской высоты,
Понять, что давит на нее, что сушит,

Что, как удав, порой жестоко душит.
Душа моя – как не ветру кусты
Порой осенней – жалки и пусты.

2

Порой осенней жалки и пусты
Стоят осины, с ветром робко споря,
Где листьев их изнеженное море,
Дававшее им столько красоты?

Где зарево, плававшее на них?
Осиротела в одночасье роща.
Жестокий ветер с вечера полощет
Тончайшие персты ветвей нагих.

Вот так и я: шестой десяток лет
Закончил. Промелькнул он, как мгновенье,
Усох я, как осеннее растение,

Но, как растение, все тянусь на свет,
Карабкаюсь, в кровь обдирая руки.
Но тщетно: нам не избежать разлуки!

3

Но тщетно: нам не избежать разлуки;
Всему на свете строгий есть учет
В конце концов, нас всех туда влечет,
Где нет ни радости, ни горя и ни муки.

В день своего рождения смотрю
На прожитые годы я в сомнении:
Кому мое угодно появление
На Божий свет в вечернюю зарю?

И в чем причина, по которой мы
Вдруг появляемся на свет из тьмы
И обживаем в жизни свою нишу?

Где та звезда, которая зовет
Восставшего из тьмы в большой полет,
Чтоб подниматься с каждым годом выше?

4

Чтоб подниматься с каждым годом выше,
Себя преодолев на том пути,
Чтобы потом опять себя найти
В той пресловутой социальной нише,

Для этого все ль средства хороши? –
Так некогда спросил один философ.
Ведь истина – она из тех вопросов,
Которые не только для души;

Ведь истина стыдлива и нага,
Порою беспристрастна и строга;
И только время с нею нас рассудит.

Да будет в жизни так! Ну, а пока
Стоят на поле тучные стога –
И, значит, снова плодородье будет!

И, значит, снова плодородье будет,
И снова под луною чья-то мать
Над колыбелью будет напевать
И в песне этой про себя забудет.

И снова над землей повеет ветер,
Взласкают землю солнышка лучи,
Из недр прорвутся буйные ключи,
И будет горизонт далек и светел.

И снова будут биться чьи-то дети
За нишу социальную на свете.
Жизнь перед ними встанет без прикрас.

Не раз крутнется на оси планета,
И, как обычно, за зиму – лето,
Все будет так же, но уже без нас!

ИЗ КНИГИ «СРАВНЕНИЯ»

1996

О ЛЮБВИ ГОВОРЯТ

О любви говорят складно.
Я так не умею, и это мучит.
Совсем убитый,
Я с ужасом вижу
Новую морщинку
На лице любимой
И думаю: Что же сделать,
Чтоб она не заметила...

Ч. Собакевичу

Большие неясные тени
Поползли по долине.
Замолкли лесные твари.
Муравьи перестали, наконец, бегать
И задумались.
Пес Черныш,
Выставив из своего домика
Усы и бороду,
Подозрительно уставился в темноту.
Я залез под одеяло и замер:
Наступала ночь,
Оказывать ей сопротивление
Было бессмысленно...

Говорят,
Луна и месяц
Одно и то же.
Но разве бывает полулуна?
А полумесяц – вот он,
Бодает тучку обеими рогами!

ДАНАЯ

Солнце – и дождь!
Загорающая девушка.
Дождинки
Золотистыми монетками
Сыплются на нее,
Как монеты Зевса
На обнаженную Данаю.

Ювелирная работа:
Чужое сердце
Сделать своей драгоценностью...

Первый снег,
Как первая любовь –
Мягкий,
Ласковый...

В жесткий наст
Он превратится потом...

Какие великие произведения
Создают женщины
На своих лицах.
Художники-передвижники,
Они показывают свои картины
На улице.

Гераклу,
Антею,
Тезею
Легко было
Быть героями –
Их любили богини!

Ты не облако и тем более не озеро.
Ты не лес и тем более не гора.
Ты не луна и тем более не солнце.
Ты неизвестно кто, и этим я озабочен...

Своим гневным окриком
Ты убила во мне
Не только не родившееся еще стихотворение,
Ты убила меня, будущего
Рождающегося с каждым новым стихотворением.

Говорят,
Молчанье – золото.
Всю жизнь молчал,
А золотым не стал!

Когда нам было по 17,
Мы с тобой были кометами
И летали по орбите
Вокруг планеты,
Которую открыли сами
И назвали Любовь.

Как великолепно мы летали
По нашей орбите,
Две светящиеся точки,
Слившиеся в одно сияние.

Мы были молоды,
Энергичны,
Неосмотрительны;
Не знали,
Что и планеты могут остывать.

Теперь мы
Два спутника
Потухшей планеты...

Творя тебя,
Чувствую,
Как расту сам.
Дорасту ли?

ЯНУС

Думаешь:
Чтоб ты сдох!
Говоришь:
Будь здоров!

Думаешь:
Когда же он уйдет?
Говоришь:
Посиди еще.

Думаешь – говоришь...

Не такой уж дурак
Был у древних греков
Этот двуликий Янус!

На кладбище тихо.
На фотографиях
Спокойные, счастливые лица.
Даже этого ребенка,
Прожившего всего три года,
Лицо сияет счастьем!..

Девушку можно сравнить с березкой,
С только что распустившейся розой.

„Для женщины
Тоже можно найти
Немало прекрасных сравнений.

Но с чем я сравню мать,
Чтобы не обидеть
Воспоминание о ней?

Лес добрый,
За исключением того, что злой;
Лес – кормилец,
За исключением того, что отнимет последнее;
Лес великолепен,
За исключением гнуса и ползающих гадов,
Но и они хороши, если подумать...

Жалко, что тут леса нет –
Сидишь, рисуешь...

Когда пила слов жены
Вонзается в мое тело,
Главное, чтоб не до костей, –
Думаю я
И выхожу из квартиры.
Прогуливаясь по скверу,
С трудом узнаю свое лицо в лужах,
Удивляюсь,
Как ласково могут говорить между собою деревья,
Чувствую,
Как из меня выходит тот, прежний,
И, шлепая по лужам,
Уходит неизвестно куда...

Л.

Нет, я не плачу;
Просто я – дождь.
Я вижу, как высохла
Душа твоя;
Чувствую:
Дальше ей сохнуть некуда –
Потрескается,
Как глиняный горшок!

В нашем вчера было нечто,
В нашем сегодня оно и осталось;
Оно сидит в нас,
Ворочается,
Распускает когтистые лапы,
Показывает клыки.

Приходится изворачиваться,
Чтобы не загрызло...

Любовь –
Гипотеза,
Которую доказываем
Всю жизнь...

В одиночестве
Прогуляться вечером
По долине воспоминаний,
Отряхнув с себя
Пыль прожитых лет и обид,
Войти в прошлое,
Как в озеро перед заходом солнца,
Теплое, ласковое;
Плыть, не торопясь, на спине,
Смотреть на затухающее солнце,
На едва уловимое приближение сумерек,
И думать,
Что у тебя впереди
Еще целая вечность...

Засмотреться
На ревушую железную птицу;
Долго следить,
Как она удаляется,
Превращаясь в точку,
Точка – в мираж.
Над этими скалами
Когда-то летали
Птеродактили,
Теперь – самолеты...
Если подумать,
Сколько было всего
И сколько будет еще
Над этими скалами...
А человек все так же
Будет смотреть,
Как удаляется птица,
Превращаясь в точку,
Точка – в мираж...

Холодными щупальцами
Дождь обхватил меня
Торопливо ощупав лицо,
Забрался за воротник,
Спустился по спине,
Пополз по ягодицам...
Любопытный, однако!

Она долго говорила о том,
Что все это гадко и пошло;
И, наконец, хлопнув дверью,
Вышла из себя в квартиру,
Где мирно бегали тараканы,
Тихо мурлыкала на диване кошка,
А на стене висел
Обсиженный мухами портрет
Неизвестно где
Пропавшего мужа...

Отвага человека в душе;
Душа – в пятках.

Не знаю,
Как это все выразить в верлибре –
Уж очень свободный стих!
А нам бы надо
Построже,
Чтоб застегнуты на все пуговицы,
Чтоб все при носовых платках,
При шляпах,
Побритые,
Подтянутые,
Решительные,
Но вежливые!

Не знаю как все это
Выразить в верлибре...

«Разве жизнь – болото?» –
Спрашивает Фридрих Ницше
В своем афоризме
№ 591.

Если он, мудрец,
Познавший высшую мудрость,
Не знает,
То кто же
Может ответить на этот вопрос,
Лягушка могла бы?

Век высоких технологий.
Век космической техники.
И во все времена –
Топорная работа.

О ГРАММАТИКЕ

Гласные беглые;
Гласные ударные;
Гласные безударные;
Разнобой!

Когда одних ударяют,
Другие бегут,
Третьи пассивно смотрят –
Разнобой!

А если бы
Все дружно,
Вместе навалились
И помогли ударным,
Представляешь?

Опять же
Двойная роль
Е, Ё, Ю, Я!

А если все многозначные
Перевести в однозначные,
Чтоб сказал – и точка,
Как ножом отрезал!
Представляешь?

А переносное значение?
Зачем это,
Когда есть прямое?
Говори прямо,
Не держи камня за пазухой!

Глухие согласные молодцы –
Им что шло, что ехало.

Помни:
Все дело в корне слова;
Доберись до него,
Ухвати его покрепче,
Тогда посмотрим,
Кто нам портит жизнь
Своими правилами!

ЖИВОПИСЬ

Натюрморт с селедкой
Петрова-Водкина:
Ничего лишнего –
Бутылка и хвост селедки.

Натюрморт с фруктами,
Кажется, Саркисяна:
Такой отличный огурчик
Среди винограда и яблоч!

Как жаль,
Нет натюрморга
С откусанным ухом
Великого Ван Гога...

Когда все сказано,
Когда даже глаза устали говорить,
Тогда начинают разговаривать
Кончики пальцев.
О. эта истома;
О, это неумение выразить словами!
Только кончики пальцев
Могут до конца выразить
Всю глубину чувства,
Которое называется любовью...

Опус Бетховена № 13;
Малая планета № 39;
Сонет № 142.
И так далее, и так далее.

Все оприходовано,
Зарегистрировано,
Пронумеровано –
Порядок железный.

Это-то и удручает!

Однажды длинношей жираф
Подумал:
Как было бы хорошо
Побывать там,
Где не видели его
Длинную шею.
Вот удивятся!
Жираф подумал так
И укатил на Север.

Удивился белый медведь,
Вида жирафа.
Подумал:
Как удивятся там,
Откуда жираф,
Вида его,
Белого медведя!
И улетел на Юг.

И только лягушка,
С недоумением наблюдающая,
Как летают над ее болотом
Жирафы,
Белые медведи,
И другие предметы,
Только лягушка
Осталась сидеть
В своем болоте:
Ей было хорошо
И здесь!

Все дело в диалоге
Сердца с сердцем,
Земли с космосом...

ТАК ХОРОШО!

Представляешь?
Лежать в одуванчиках,
Слушать кузнечиков,
Видеть, как муравей
Спешит по твоему пальцу.
Куда спешит?
Даже подумать лень –
Так хорошо!
Зажмурить глаза,
Чувствовать, как солнце
Целует лицо;
Какая-то былинка
Щекочет ухо.
Какая?
Даже подумать лень –
Так хорошо...
Представляешь?

Хотел написать стихотворение
И посвятить его любимой женщине,
Оказалось –
Его украл
Иннокентий Анненский
И спрятал
Среди миров
В мерцании светил.
Хотел открыть
Закон тяготения тел,
Оказалось –
Его украл Ньютон
И спрятал под яблоню.
Хотелось взлететь,
Воспарить сизым соколом,
Оказалось –
Птицы украли крылья.
Сижу, думаю...

О, эта необходимость,
Которую не обойти!

О, эта нелепость,
Которая нелепа!

О, это несчастье,
Потому что нет счастья!

О, эти мы!

А что мы?
Мы – как все!

НОЧНОЕ НЕБО

Загадочное лицо луны
С большим синяком на щеке;
Вопросительный знак большой Медведицы;
Многоточие Млечного пути...

Чудовище коварное,
Злое,
Когтистое,
Страшное –
С ужасом чувствую,
Как оно ворочается
Во мне...

Счастье мое,
Как льдина,
Плывет по реке, все сметая;
От столкновений
Откалываются от льдины
Куски льда.
Льдина становится все меньше и меньше,
И вот уж я сам
Едва помещаюсь на ней.

Слепой Гомер.
Глухой Бетховен.
Сухорукий Сталин.
Ослепнуть.
Оглохнуть.
Высушить руку.
Станешь равный им.
Кошмар.

Изгнать бесов –
Не будет никаких бесов!
Но тогда
Как же мы узнаем
Кто ангел?

Господи,
Дай мне силу
Преодолеть себя;
Все остальное
Преодолею сам!

Иван (Йоханаан) убежал в Израиль;
Иван (Жан) убежал во Францию;
Иван (Иоганн) убежал в Германию;
Иван (Ян) убежал в Польшу;
Иван (Ванька) убежал за бутылкой;
Наталья убежала в старые девы...

Слово –
Упаковка для истины.
Бывает
И в хорошей упаковке
Залежалый товар.

Тихо падают снежинки,
Чтобы прильнуть к земле
И разрыдаться весною...

Чужую правду называем мифом.
Свои мифы называем правдой.
В итоге получаем истину...

Вижу человека
Храброго на вид,
В сущности – труса;

Вижу человека
Мудрого на вид,
А по сути – глупца;

Вижу человека
Нежного на вид,
Грубияна по сути;

Вижу человека
Щедрого на вид,
А в сущности – скрягу;

Вижу человека
Милого, заботливого,
По-правде – эгоиста;

Я вижу его в зеркале
Каждое утро,
Когда бреюсь...

Только на лезвии ножа
Каждая вещь
Начинает понимать
Свою истинную ценность...

Завидую
Кипяченой воде:
Вскипеть,
Остыть,
И даже в жару
Сохранить прохладность.

СЕНТЯБРЬ

Две осинки,
Друг друга обвив ветками,
Вспыхнули от поцелуя...

Первые дождинки,
Целуя костер,
Умирают мгновенно.

Ветви листочками,
Как щенята,
Лижут мое лицо:
Иду по лесу
С корзинкой грибов.

Думается:
Отец, мать,
Дедушка,
Бабушка
Не умерли –
Они живы во мне.
Это я умер в них!

Душу вывернуть
Наизнанку
И надеть на себя
Вместо бронежилета...

С годами лысеющая голова
Все больше походит на яйцо.

Чувствую
Как в скорлупу моего черепа
Стучит птенчик.
Вдруг проклюнется?

Осенние листья,
Сорвавшись с деревьев,
Идут в свой последний полет,
Как камикадзе...

ИЗ КНИГИ «В ПУТИ»

1996¹

Над Россией и крест и звезда.
А в России свара и злоба:
Ведь, по-сути, и крест и звезда
Для распятья годятся оба!

Читал я: красота спасет весь мир –
Начертано так нам одним пророком –
И все, кто в жизни был убог и сир,
Кто в мире этом странствовал одиноко,
Все вдруг воспрянут перед красотой,
Отбросив прочь сомненья, мир жестокий.
Такой и я жил издавна мечтой,
Пророку благодарен был за это,
Пока не поразил вопрос простой:
А некрасивых, что ж, сживать со света?

Аршином нас измерить не берись –
Подмечено давно пером поэта.
Измерили! И записали в лист
Подробности характера, приметы,
И сколько нас, и сколь не родилось,
И даже виноватый кто при этом.
Уж издавна в Руси так повелось:
Нам, главное, узнать, кто виноватый,
Откуда вдруг свалилось и взялось.
Ответ один: вновь виноват горбатый!

¹ Коллективный сборник литобъединения «Приозерье»

Где мы живем, о том мы не поем –
Уж больно все давно нам здесь приелось –
Весь Приозерск, как коммунальный дом:

Притерлось все, присохло, притерпелось,
Хоть тесно вместе, ну да врозь тошней,
Как некогда в известной песне пелось,

Ведь вместе все же как-то веселей.
Хотя сейчас какое нам веселье!
Неужто до скончанья наших дней

От перестройки будет нам похмелье?

У ТЕЛЕВИЗОРА

Включил ТВ, сижу, смотрю: такая муть!
Два спорят мужика и кулаком бьют в грудь;
И тот и этот – господа, но – за народ.
И я подумал: если так, то нам везет!

Еще возник один мужик во весь экран
И тоже за народ сказал, а те, мол, дрянь!
Он, только он народу друг, он – демократ,
А те все господа – кто плут, кто бюрократ!

Вдруг вышла дамочка одна, и речь ведет,
Куда деваются средства да и народ:
В последний годик или два, а может пять,
Счет населения РФ стал сокращать!

Хоть и вынослив был всегда весь наш народ,
Но вынесет ли, господа, он недород?
И тут вдруг встрял Орбит опять (или орбИт);
В халате доктор уверял, что с ним и спит,

Что лечит якобы орбит нам кариес.
А у меня вместо зубов давно протез!
И пусть меня рекламщик хитрый извинит,
Но у меня давно в кармане не звенит...

ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР

Когда сидишь один и пьешь с собою
Без чоканий,
Без пошлой болтовни
И вспоминаешь кое-что с тоскою,
А вспомнить есть о чем, лишь в память ткни;
Когда сидишь без друга и без тостов
И смотришь правде, как ружье, в упор,
И понимаешь: в жизни все не просто
И даже этот, сам с собою, спор;
Когда сидишь за рюмкой сам с собою,
Насупившись, как на отраву мышь,
И молча споришь с собственной судьбою,
И ничего себе не говоришь...

Памяти сына Володи

...А музыка звучала вечно
Веселым камушком в ручье,
Былинкой на лугу беспечной,
Морщинкой на твоём челе,

Листочком радостного клена
И тучкой в небе голубом,
И взглядом нежным и влюбленным,
Желаньем тайным, непростым...

Она скиталась долго в нетях,
И звук ее был мил и чист,
Но чтоб жила на этом свете,
Ты записал на нотный лист!

Теперь чеканною строкою
Она среди людей живет,
Тревогой, радостью, тоскою
За сердце чуткое берет...

...Вот и твоя могилка, сынок,
Заматерела, осела, травую покрылась;
Былинка над нею дрожит, как скрипки твоей смычок,
Алая роза головкой к могилке склонилась.
Ты чувствуешь ли ее поцелуй, сынок?
Слышишь ли ты, что шепчет тебе эта ветка?
Ты имел абсолютный слух музыкальный, сынок,
Хотя, может быть, ошибался, но очень редко.
Стою я, уставший старик, головою поник,
И сердце как будто кто-то жмет мне тисками,
И смотрит мне в душу твой с фотографии лик,
Который на памятник я прибил своими руками...

Елизавете

Увидел я любимое лицо
Отечное. Болезнь – она не красит,
Она любого в одночасье сглазит,
Как спрут, возьмет в смертельное кольцо.

Увидел я усталые глаза
И две морщины, что на лбу впервые
Вдруг появились резкие, чужие,
Ненужные, как горькая слеза.

И на челе родном следы страданья,
Следы ночных сомнений и тревог.
Кольнуло сердце слово «увяданье».

Душа взроптала: «Если бы я мог
Всю боль твою взвалить себе на плечи,
Как эликсир, моя любовь излечит!»

Каждой ласке и слову веря,
Бескорыстно меня любя,
Если б знала, какого зверя
Убиваешь в душе у меня!

АУСПИЦИИ²

Пролетала стая,
Подсчитал: до ста я
Проживу, однако...

Прилетел приятель,
Мой давнишний, дятел
И настукал тридцать...

Верная подружка,
Кукукнула кукушка:
«Хватит тебе сорок!»

«Слушаешь тут байки!» –
Прокричала чайка,
Улетела в море...

ТРОПИНКА

Была тропинка, как и все:
Шла по лесистой полосе,
Петляя со всей) силы,
И вдаль меня манила.

Я шел, наивный паренек,
Мне путь казался недалек;
А в конце того пути
Мечтал я счастье найти.

С тех пор прошло немало лет,
Давно уже я трижды дед,
Прошел тропинок и дорог
Я много – сосчитать не мог.

Но та тропинка, что вела,
Что в даль меня, юнца, звала,
Что к счастью манила
И придавала силы,

Тропинка та в душе живет,
Она петляет, в даль ведет
И снова счастьем манит,
И невезеньем ранит!

² Ауспиции – гадание на птицах. (Древнеримское).

Зовет мужик меня быть в паре,
А может, лучше на троих?
Он с вечера в таком угаре,
Что надо б несколько хоть «тонн».

Мне эти «тонны», то есть рублики...
Достали, больше не могу!
Народ Российской всей республики
Живет без денег – коммунизм!

А обещал какой-то хмырик,
В пивнушке слышал я не раз,
Что будет скоро у нас рынок,
Иначе он уйдет и все!

Никто, мол, цены не поднимет.
А если будет все не так –
То сам с себя он должность снимет,
На рельсы ляжет головой!

ИЗ КНИГИ «НАШИ ДНИ»

1996

ЭТО ОБЛАКО...

Это облако,
Все в завитках,
Словно в резьбе,
Надо мною клубится,
Меня рисунки –
Одно прекрасней другого;
Внутри что-то сияет,
Желтеет,
темнеет
Серебрится!
Пораженный красотой,
Я помню его и сейчас,
Спустя много лет...

Если б я знал тогда,
Что оно плыло к нам
От Чернобыльской
Атомной станции!

Выпьем мы и снова запоем,
А об чем нам петь – теперь не знаем:
Что ни вспомни – в прошлом, ё-моё,
И тачанка с Петькой и Чапаем!

О Катюше пела вся страна,
Нынче о Катюше не поется...
Наливай-ка чарку, старина,
Что теперь нам делать остается?!

Ты помнишь как все мы бухтели,
Как всех это нас раздражало,
Как мы перемены хотели –
Уши завяли от жалоб!

Этот собака Чурбанов,
Который такой проходимец!
Гдлян беспокойный, Иванов
Был всеобщий любимец.

И всем колбасы не хватало,
Вареной, нежирной, застойной;
И каждая жилка кричала:
Хочу я жизни достойной!

Теперь колбасы навалом
В ларьках и больших магазинах,
Да денег у нас так мало,
Что ходим, лишь рты разинув...

И где теперь Гдлян жирует?
Скрылся куда Иванов?
А «новые» так воруют –
Куда там какой-то Чурбанов!

Мужики толпятся возле бочки,
Но хрипит насос, как паразит,
И от бочки уж давно не пивом,
А неизвестно чем-то там разит!

В банки пол-литровые качает
И качает старенький насос.
Под забором парни молодые
С кочками целуются взасос...

Есть в России игра всенародная:
Две стены встанут друг против друга
И затынет одна: «А мы сеяли просо!»
И мгновенно ответит другая:
«А мы вытопчем, вытопчем, вытопчем!»
Вот такая игра испокон веков:
Одни пашут, сеют, рожают,
А другие от зависти глохнут.
И усадьбы под утро пылают.
И коровы под утро дохнут!
И стучат друг на друга, как дятлы.
Обдирают друг друга, как липку,
И таскают друг друга за патлы,
Обижая друг друга шибко.
Нет друг к другу у нас доверия.
Раздосадованы жизнью жестоко.
Мастера все валить на Берию,
На какие-то там истоки.
Неужели мы прокляты Богом,
И насилие у нас в крови,
Не осилить нам трудной дороги
Ко всеобщей великой любви?!

То ли я того немного, то ли я чего-то взбрентил,
Может, от того, что все же перепил с утра я бренди.

На бутылке этикетка закачаешься какая!
С Пашкой мы смотрели долго,
под рассольничек икая.

Тенди-бренди, распаскуда европейская посуда –
Мало нам своей отравы, прут из-за бугра покуда!

Сорок градусов немало, – ниже птицы так стояло,
А над цифрами такими птица вещая летала.

У нее голов премного, и два клюва видел ясно.
И пока она летала, жизнь казалась нам прекрасной

АННА ИОАННОВНА, ИМПЕРАТРИКС!

Герцогиня Курляндская и Семигальская Анна,
Все дворянство московское тебе пропело осанну!
Холят князь Долгорукий с Голицыным свои усищи,
Еще не ведая, что за «Кондиции» Анна с них взыщет!
Пригласили на трон,
 чтобы царствовать ей, а не править!
Да разве можно царицу русскую от власти отставить?
Трон, которым владели дорогой отец и дядя родимый,
«Кондициями» ограничить,
 в бутафорию превратить – вестимо ль?!
Тем более гвардия не желает,
 штыки на «верховников» точит;
Да и все дворянство московское тоже не хочет,
Просит: матушка, не слушай ты их,
 олигархов проклятых,
Устали мы от их лихоимств, стригут, как козляток:
И то им не ладно, и это отдай, и о том не ведай!
Матушка, царица ты наша, совсем сживают со света!
Брось ты Верховному тайному совету
 в морду «Кондиции»!
Самодержавие без всяких кондиций –
 вот наша традиция!
А мы тебя поддержим, защитим в надежде на волю,
В надежде на то,
 что улучшится наша дворянская доля.
Самодержица Анна публично надорвала «Кондиции»,
Показав, что любое ограничение власти на Руси –
 фикция.
А чтобы мелкие дворяне, купно с ними средние
 и даже великие
Не жаловались более,
 в тайной канцелярии велела лики их
Пытать каленым железом,
 батогоми бить, вязать вервием,
Любым способом вколотить послушание самодержавию в них!
А чтоб помалкивали, над всеми поставила
 немцев остзейских:
Фон Бирона, братьев Левенвольдов,
 холуев лакейских.

А чтоб о вольностях в империи
и не вспоминали даже,
В Сибирь на каторгу, на кого «слово и дело» укажет!
«Из огня да в полымя» –
есть такая пословица в русском народе.
Вспоминал ее часто в тюрьме
один из тех благородий,
Которые Анну просили взять власть в твердые руки,
А обрекли всю Россию на крестные муки!

ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР

Государь-император дрова во дворе колет лично,
И топор его остр, топорище удобной длины;
Ремесло дровосека он знает давно и отлично,
Если б так же отлично он знал
ремесло управленья страны!
На дворе дровяном собралась за работой семейка:
Две великих княжны пилят чурки ручной пилой,
А наследник царя Алексей... он прилег на скамейку –
Что-то снова случилось с рукою и левой ногой!
Государь-император с утра о судьбе озабочен
Гемофильного отпрыска. Бедный малыш Алексей!
Под глазами царя след тревожной недоспанной ночи.
Сколько было и будет еще тех тревожных ночей...
И последняя ночь
в том старинном Ипатьевском доме;
Алексея больного принес он в подвал на руках.
Все тревоги слились в их едином отчаянном стоне,
Навсегда застывшем на августейших устах!

А земля одна
Для всех без разбора:
Для розы, что красна,
Для лебеды под забором;
Для всех дает свой сок –
И для цветочков славных,
И для трав,
Из которых варят отравы...

МОЛЧАЛЬНИКИ

Батюшка-царь поднимает Николку на дыбу
Собственноручно,
С большим мастерством и терпеньем.
Грозным Иваном недаром зовется, родимый:
Колет и режет, и жжет он каленым железом!
Или еще, вот какая забава смешная:
Тело строптивого все спиртом намочат
И подожгут.
Змеем вспыхнет веселое пламя!
То-то потеха и радость Малюте, Басману,
Опричнине всей и дворовым людишкам, конечно!
Сам Иоанн, свет Васильич, державный, доволен:
Человек сгорел; нет его – нет проблемы, и только!
Пусть знают все,
Что будет за длинный язык и строптивость!
Только страхом великим
Заслужишь ты милость монарха!
В ужасе смотрят на пламя московские люди.
В ужасе слушают вопли горящего князя.
Молча стоят, и дума каждого гложет:
«Паны дерутся, и нам чубов не лишиться б!
Будем молчать, авось чаша сия нас минует...»
Но чашу, коль налита до краев, приходится выпить...

Как барабан револьвера, земля кругла.
Умело заряжен его барабан
Надеждой,
Любовью,
Верой;
Она, говорят, светла,
Но последняя пуля в барабане –
Обман!
Расстрелян на этом свете я множество раз,
И каждый раз били из револьвера в упор
Надеждой,
Любовью,
Верой –
Между глаз,
И последняя пуля довершала спор...

ТРЕВОЖНЫЕ ДУМЫ

Крест окна осеняет знаменьем святым
Это небо, дома и январскую стынь,
Этот вечер, закат и в закате снега,
Эти ели в снегу, как большие стога;
Эту дымку вдали над кровавой зарей,
Этот лик, слегка видный, луны молодой.

Я стою у окна, как тому сотни лет
Пращур мой так стоял, пахарь, княжеский смерд,
И смотрел из окна он в тревожной тоске,
Как кровавый закат полз по стылой доске,
Как кровавый закат крышу кровью залил,
А потом не спеша за леса уходил!

Он смотрел с непонятной тоской на стога,
На дремучие серые эти снега
И на лик, слегка видный, луны молодой,
Мучим мыслью, по сути, всего лишь одной:
Как растают снега и наступит цветень,
Что ему принесет этот радостный день?

Выйдет в поле сохою землицу орати³
Или снова окажется в княжеской рати?
Зарастает травой его орамица³ –
Уж которое лето война на границе,
Уж которое лето дерутся княжата
Из-за отчего трона, а поле не сжато!

МЫ

Святая Русь,
Не трусь,
Мы все сыны твои!
И этот партократ,
Теперь демократ!
И этот, без всяких забрал, либерал!
И этот, из света и тени, как Ленин!
И этот, что так речист,
Коммунист!

³ Орати – пахать. Орамица – пашня.

И этот русский новый
В богатой обнове!
И эти бомжи,
Голы, как моржи!
И этот бедняга,
На заводе тудяга!
И этот торгаш –
На деньги алкаш!
И этот трепач Горбач!
И этот Ельцин,
Красный, как рак,
Он выпить совсем не дурак!

Цифры приводит статист, как садист:
Каждый первый – нервный,
Каждый второй – больной,
Каждый третий – подлец,
Каждый четвертый – мудрец,
Каждый пятый бандит,
Каждый шестой – сидит,
Каждый седьмой – мент,
Каждый восьмой – ждет момент,
Каждый девятый – простак,
Каждый десятый – *чудак!*

А сверх того наша жизнь
Закручена так, что держись!
От финансовых пирамид
Сердце у многих болит.
От повышения цен
Масса трагических сцен.
И сколько в семьях заботы
От неименя работы!

За что я люблю тебя, Русь,
Сказать о том не берусь,
Но гены этой любви
Крепко сидят в крови.
Не вечно же будет ночь –
Бог даст нам все превозмочь.
Поярче, поярче свети,
Счастья звезда нам в пути!

ИЗ КНИГИ «ГРАНИ»

1998

ЗАКОН О ПЯТИ КОЛОСКАХ

Так в 30–40-е годы народ называл закон, по которому сурово наказывался каждый человек, взявший на колхозном поле самую малость: горсть зерна, пару морковок, несколько клубней картофеля – даже если все это было найдено уже на убранном поле.

Две девчушки, чуть выше скамейки,
и мальчик пониже, от голода сизый,
И мамаша – лицо восковое, болезное, тощая,
словно музейная мумия...
Председатель привел их к нам на квартиру,
сказал нашей маме тихонько:
«Из далекого Питера,
в самый разгар тяжелейшей блокады!
Тетя Аня, прошу убедительно я: накорми, обогрей
Знаю, знаю, самим не хватает,
хоть супчик пожиге сообрази,
на первое время хотя бы!»

Было нас одиннадцать ртов –
собрала вместе бабушка.
Мы называли ее мамашей.
Все одиннадцать – внуки.
Родители наши на фронте громили фашистов.
Дядя Петя погиб под Москвой,
тетя Маша – под Клином,
А дедушка и мой папаня заговоренные были –
так нам, малышам, в то время казалось.

Постояльцы жили отдельно в постройке,
 переделанной под жилье из сарая;
Наша хата была небольшой,
 и с прорехой в крыше, сырая.
Ту прореху частенько в дождливые дни
 исправляла мама, мы ей помогали:
Из поленьев при помощи клиньев и топора
 дранку старательно драли.
Постояльцы пытались нам как-то помочь,
 но силенок у них не хватало.
«Дистрофия у них, совсем плохи дела!» –
 говорила нам мама устало.

Для нас самое трудное было тогда –
 пережить весеннее время,
Потому что к весне кончалась еда,
 а что оставалось – шло только на семья.
Посадив огород, как мы ждали ростков –
 ни с чем не сравнимое чувство!
Поливали капусту, пололи траву,
 огородное знали искусство!
И какая была у нас радость,
 когда появлялась на грядках редиска!
Первый пучок несли ко столу и съедали весь,
 без очисток.
А потом подрастали морковь, горох.
 Всей артелью копали картошку.
И всегда, не жалея, сколько могли,
 постояльцам несли хоть немножко.

Но чем мы могли постояльцам помочь,
 если впроголодь жили сами,
Если на трудовень по сто граммов зерна
 выдавали в колхозе маме?!
Тогда главным продуктом была лебеда
 да в котле немного картошки,
И лишь изредка кое-какой жирок
 по праздникам выловят ложки.

День ото дня все худели они,
особенно сохли девчонки:
Как на вешалках, были платя на них,
а шеи, как спички, тонки.
В ноябре, когда выпал первый снежок,
соседи могилу копали.
Похоронили в ней обеих сестер,
они и в живых вместе спали.

Потом развивались события так:
их мать почернела от горя.
Осталась единственная радость ее –
сынوك болезненный Боря!
Все, что могла заработать, она – все сыну,
себя забывая.
На полевые работы ходила, как тень, тощая,
еле живая.

Но старалась на поле работать, как все,
выполняя норму в сроки.
Сводки «Совинформбюро» с фронтов
до предела были жестоки.
Затянулись на Волге бои,
вся страна жила Сталинградом!
Все работали, как могли, никого подгонять не надо.

А когда подводили в колхозе итог,
все кончалось нулями обычно.
На собраниях в колхозе энкаведист
нередко присутствовал лично.
Горе случилось осенней порой:
совсем расхворался Боря,
Лежал на полатах он, чуть живой,
с тоскою в мальчишеском взоре.
Фельдшерица сказала, вздохнув тяжело:
«Питания ему не хватает!»
Металась мать, с тревогой смотря,
как сын ее медленно тает!

А вечером взяла в чулане мешок
и пошла на колхозное поле,
Насобирала она колосков,
два-три килограмма, не более.
Ведь все равно колоскам пропадать,
лежать до весны под снегом.
Но заметил охранник.
Грозя ружьем, посадил ее на телегу.

Потом провели показательный суд,
два года ей припаяли;
Закон был строг в то время у нас,
чтоб колхозники не воровали.
Больше не видели мы ее.
Был слух: умерла от чахотки.
В тюрьме на общих работах
ее путь оказался коротким!

А Боря выжил. Взяли его в больницу на излечение.
Потом поместили в детдом областной
на казенное обеспечение.
Потом потерялся след его.
О нем вспоминали мы часто –
Был нам ровесник, хороший пацан,
как звездная ночь, глазастый.

Когда мы, пятеро гавриков, садились за стол,
А стол трещал от отсутствия на нем съестного,
Что думала мама, глядя на этот стол,
Который она сколотила из досок сарая?

Когда в сером конверте похоронка пришла,
Мама долго, очень долго ее читала...
А утром она взяла два старых ведра
И за водой пошла, за ночь она стала седая!

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Год сорок третий.
Мы идем в деревню,
Чтобы обменять
Кое-какую одежду
На картошку.

Сестра мечтает,
Как мы заживем,
Когда с войны
Вернется отец!

Идет снег.
Легкий морозец
Румянит щеки...

Я и сейчас
Вижу две фигурки
С вещмешками на плечах.

Хочу окликнуть,
Предупредить,
Что сестре осталось
Совсем немного:

Смертельная дистрофия
Уже начала свое действие!

Но фигурки идут и идут,
Не оборачиваясь...
Снежок засыпает следы...

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Как по шпалам, по трупам промчался наш век,
Претворяя утопии в реальную бль,
Друг на друга с винтовкою шел человек,
Превращая друг друга в забвенье и в пыль.

Век, забывший Заветы Святые Христа!
Век, вскормивший идею: «Приди и убей!»
Век, в котором царица бомба и сталь;
Душегубок столетье и концлагерей!

Растеряли мы веру в себя и в закон.
Зависть, подлость, нажива набрали вес.
Вождей темные лики – вместо икон.
Разжиревший от крови, ухмыляется бес!

У тебя своя позиция.
У меня своя позиция.
У них своя позиция.
Идет мировая
Позиционная война!

Поглядел в окно,
Вижу: в нем двойник!

Ликом молчаливым
Он к стеклу приник.

Взгляд из двух стволов
Тлеющих глазниц.

Две его ладони
Опустились ниц...

Все прошло – и когда? – не заметил,
Постепенно быльем заросло.
Но вчера я похожую встретил,
И заняло сердечко мое!

О прошедшей когда-то любви
Тосковать не устану вовек,
Как о ласково сказанном слове
Совершенно глухой человек...

За любовью – нелюбовь,
А за кровью – снова кровь,
А за ложью – снова ложь,
Так всю жизнь одно и то ж!

А возможно ль, господа,
Чтоб менялось иногда:
За любовью шла б любовь,
И за правдой – правда вновь,
И за горем, чтобы счастье,
Разгоня все напасти?

Посмотри, как корни эти
В тьме земли сцепились крепко,
Как они друг друга душат!

Посмотри, как травы эти,
Те, что выше, заслоняют
Низкорослые от солнца!

Посмотри, как птицы эти,
Между ветками летая,
Мошек ловят, клювы полны!

Посмотри, как мальчик этот,
Вытащив на берег рыбку,
Радостной улыбкой светит!

После операции лежу
Строго на спине.
Солнца луч прорезал между
На потертой стене.

На потолке такой бардак –
Просто лежи и смотри...
Два клопа бегут натошак,
Кажется, даже три!

Почуяли, твари, тело моё,
Бегут наперегонки.
Нити, связывающие с жизнью меня,
Сейчас предельно тонки!

Может быть, нити – эти клопы,
Что рады увидеть меня.
Любуюсь я на их ловкий бег
В разгар прекрасного дня.

И думаю: если они ко мне,
Значит, я живой!
И осторожно, силы набрав,
Вдруг шевельнул ногой!

ПОЭТ МАРК АНЕЙ ЛУКАН

Нерон Лукана приблизил, как свет.
Как приближают к себе хитон.
Нерон – сам поэт и поэтам патрон,
Великий патрон и великий поэт!

Этого Марк Аней Лукан
Не понимал, вот истукан!

Он смеялся над стихами Нерона,
Дескать, они ужасно неровны.
И, пуская громкие ветры,
Декламировал его гекзаметры:
«Словно гром прогремел над землей!»

Пел он славу тираноубийцам:
Бруту, Кассию, другим лицам,
Хвастая цезаря головой!

В общем, схватили Лукана Анея,
Висел он на дыбе, лицом белея.
Чтоб не писал, сорвали ногти
И раздробили руки по локти.

Но, собрав последние силы,
Он обратился к поэзии милой
И прочитал стихи свои, кстати,
Об умирающем римском солдате!

Люди плюют на землю,
На солнце они не плюют,
Не потому что стесняются,
А так как там не живут.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

И ты предъидешь пред лицом Господним,
Как был на оный момент, в одном исподнем,
И честно скажешь Господу напрямую:
«Господи! Жизнь прожил я, любя и ревнуя.
Жену ближнего желал, и меня желали.
Груди девичьи целовал, и мою целовали.
Лгал по принуждению и без принуждения.
Изворачивался, как уж. Боялся смирения.
Распался в груди своей зависть и злобу.
Сирых обижал, жить получше чтобы.
Матери не помогал, грешен. Грешен!
Но каждый грех мой, Господи, был уравновешен
Тем, что лгали мне всю жизнь и тот, и этот;
И тот, и этот обманывали меня – такой был метод
Всей жизни нашей на всем белом свете.
Не в правителях, ни в народе я правды не встретил!
Завистники, Господи, меня со света сживали.
На поле брани противники меня убивали.
«Новые русские» ободрали меня, как липку.
А жить-то хотелось, Господи, порою шибко!
А что касается до моей мамыши –
Она бросила нас в раннем детстве нашем!
Не познал я, Господи, материнской ласки,
Поэтому и жизнь меня не баловала сказкой.
Знаю, Господи, грехи мои очень и очень!
Душа моя заблудшая темнее ночи.
Но знай, Всевышний, не со зла все это:
Разве б был я таким, если праведников встретил?»

...И пойдешь ты понуро в ад, в рай – неизвестно,
Все сказав хоть раз откровенно и честно...

Лизе

Любовь прошла как испуг,
Как страшный кошмарный сон.
Любовь – не всегда как друг,
Нередко – как в лавке слон.

Осколки оставив лишь
От посуды и от витрин,
Слон уходит в тишь,
И ты остаешься один!

И все бы тебе ничего,
На пользу и лавка, и слон,
Но преследует долго тебя
Битой посуды звон...

По лесам ходил не этим,
По полям ходил не тем;
Шесть десятков жизни встретил,
И доволен был я всем...

А теперь мне что-то грустно,
Что-то тяжело мне в груди;
Мысль свою я, как капусту,
В сто одежек нарядил,

И сужу и так и эдак:
О прошедшем – много тем;
По полям ходил не этим,
По лесам ходил не тем!

Я не знаю, что со мною будет:
Взревновал тебя я ко Христу –
Крест с утра твои целует груди,
Левую и правую, и ту
Родинку над грудью, чуть заметную,
Только мне знакомую вполне.
Вижу я во сне ее, заветную,
Как тонущий шляпку на волне!

Марте

В империи, где я император,
абсолютное самодержавие:
Сам держу я кастрюлю глубокую, наполняя ее водой,
Добавляю того и этого, получаю такое варево,
Что принцессы и принцы
рады покушать вместе со мной.

В империи, где я император,
просыпаются очень рано.
Будильник колотит по темени,
как у замка в лесу дровосек.
Встает принцесса прекрасная,
идет, зевнув, в умывальню,
В зеркало долго рассматривает лицо свое из-под век.

В империи, где я император, принцы уходят в школу,
Наскоро, как попало, сосисками закусив.
Императрица великая, томясь от сна на диване,
Слушает по телевизору невыносимый мотив.

В империи, где я император, шикует рыжая кошка:
Котенок, ее сынуля, уже отпетый бандит –
Листики со стихами моими грызет
с большим озверением,
А мама его с умилением на дело сынка глядит!

В империи, где я император,
жизнь течет понемножку,
Без всенародных бунтов, хотя недовольные есть;

Ведь, в сущности, в этой жизни
и нам, императорам, надо
Не так уж и много, если сытый желудок учесть!

МАРК КРАСС

Хищный взор легионных орлов впереди,
Тяжелы и надежны из кожи щиты.
В деревянных ножнах притаились мечи.
На Восток! На Восток! Впереди сам Марк Красс,
На весь мир богатей. Ему нужен триумф,
А солдатам – добыча и слава нужны!

На Востоке богатство отважных зовет.
Золотые вершины на солнце блестят.
В полноводных реках лежат жемчуга.
И красавиц парфянских хватит на всех.
Пусть бесстрашный Марк Красс легионы ведет!
Всем им нужен на счастье военный триумф.

Но у диких парфян хитроумнейший план:
Завлекает лазутчик Абгар солдатню
В нехорошую местность, в пески без воды,
Где ползучие гады, усталость и зной,
Где хищные птицы в небе парят,
Где за каждым барханом погибель, смерть!

Ты, бесславная битва у города Карр,
Где стрелы парфян легионы смели,
А после битвы парфянский царь
Череп Красса наполнил крепким вином,
Обесславив оружие римских бойцов;

Ты, бесславная битва у города Карр,
Разве ты научила чему-то людей?
Разве ты утвердила мир на земле?
Легионы лежат в барханах твоих –
Мечтали наполнить богатством мешки,
А наполнили глазницы свои песком!

Хоронили Егора.
Плач окрестных осин, клеверов, облаков,
Светозарного солнца
И молчанье реки, и далеких лугов, и коров,
И притихшего ветра –
Все, что было, уплыло, ушло от него,
Безвозвратно кануло в вечность,
Будто не был мужик,
Не дышал, не любил,
Не смотрел в это звездное небо!
Так хотелось ему вечным быть,
Словно солнце над полем пшеницы веселой,
И любить без конца клевера и моря,
И осинку на том косогоре.
Взять бы это с собой,
Уложить навсегда
В домовину из крепкого теса,
Но, в последний путь отправляя, всегда
Покойникам связывают руки!

БОРЦЫ ЗА СЧАСТЬЕ

И тот бородач – Малюта Скуратов,
И этот усач – Сосо Джугашвили,
Хорошие, в общем-то, были ребята –
Людишек за счастье народное били!

Чтоб крепла страна всем врагам в уstrateнье,
И Петр Великий трудился немало –
С народом своим вел всю жизнь он сраженье
И в этом славы достиг небывалой!

Стоит Петербург на костях, как на сваях, –
Безвестных забитых людишек творенье;
Его парадизы – песнь не простая
Во скорбную славу российского гения...

ЦИЦЕРОН

Виват, виват, Марк Туллий Цицерон,
Блистательный оратор! Консул! В тоге
Великолепна статуя твоя:
Флоренция, музей Уффици.
Бесстрастно ты глядишь на наши лица,
Седа твоя, из камня, голова,
И вид твой озабоченный и строгий...
Виват, виват, Марк Туллий Цицерон!

И что же видишь ты? Что ожидал
Увидеть через два тысячелетия
На этом свете белом, где людей, –
Как в ранце римского солдата чечевицы?
Бесстрастно ты глядишь на наши лица,
Лишь взлет чуть видный каменных бровей
И трещинка – следы от лихолетья...
Так что ж ты, Марк, увидеть ожидал?

У нас, как в Риме – мы же третий Рим:
Коррупция, мздоимцы, нувориши,
Бомжи, бандиты, разный мелкий сброд!
Перед тобою нечем нам гордиться;
Бесстрастно ты глядишь на наши лица,
Поджав брезгливо каменный свой рот
И отстранясь в своей музейной нише.
У нас, как в Риме – мы же третий Рим!

Ты в мире древнем славненько пожил:
Познал и унижение, и главенство,
И ложь познал, и высшей правды свет,
Познал и зло, и подлый нож убийцы.
Бесстрастно ты глядишь на наши лица,
Ты знал всегда: за эти тыщи лет
Мы придадим оружию совершенство –
«Калашников» заменит нам ножи!

Ты радостен или печален,
Сложны твои дни иль просты,
Но в мире ты так же случаен,
Как это паденье звезды,
Как это сиянье улыбки,
Красивый цветок на лугу;
И этот младенец, что в зыбке
Счастливо лопочет: «Гу-гу!»

Из всей мировой культуры
Шабашнику ближе халтура,
Бомжу – житие по подвалам,
Шпане – по грязным вокзалам...
Восклидай хоть сколько: «О, Боже!»
Но это – культура тоже.

Средь тягот и скорбей
Я – старый скарабей.
Средь счастья и щедрот
Федот я, да не тот!
А, впрочем, что уж тут:
Другие-то живут!

ПРИОЗЕРСК

Да, город мой, конечно, проще
Иных, где всадник топчет площадь,
Где в берега граниты врыты,
Где памятники имениты,
Где купола домов-музеев
Так привлекают ротозеев,
Где сфинксы, львы и что хотите...
Но вы на град наш посмотрите!
На стрелку главного проспекта!
На сквер петровского проекта!
На этот, рядом с градом, лес,
Вуоксы быстрой лёгкий блеск,
На окружающий пейзаж, –
Поймете, чем мил город наш!

ИЗ КНИГИ «НАДЕЖДА»

2000

КОРЫСТЬ

Процесс – он пошел не вчера, не сегодня.
Еще до Голгофы людей распинали,
Вервием крепким руки вязали,
Со скал бросали тела, как негодные!

И даже Господь наш, Христос Незабвенный,
Закончил путь свой, как раб презренный,
На сучковатом кресте шершавом
В угоду корысти людской и ржавым

Гвоздям, прибившим святыя руки.
Хотел Он взять на Себя наши муки,
Душой человечеству соболезнуя,
Но не осилил корысть людскую

Неужели это горе, словно море,
нам с тобой не переплыть
Ни саженками, ни кролем это море
нам с тобой не одолеть?

Там, за морем, на просторе пальмы хлебные растут;
Там, за морем, нету горя, люди в счастье и добре;
Там, за морем,
нету мора, люди добрые, не злы;
Там, за морем, нету вора, олигархов и рвачей;
Там, за морем, дорогая, только бы нам переплыть...

Эту сказку, засыпая, слышал в детстве я еще...
Эту сказку, дорогая, сыну я не расскажу!

ИЗ ПОХОДА ВОЗВРАТЯСЬ...

«На Руси веселье было пити»...
Целовальнику⁴ давая три алтына,⁴
А закуска – что придется по наитию –
Заливал полштофа⁴ в рот детина!

Вскакивал на стол, махая саблею,
Лихо сапогом об стол притоптывал,
Вопрошал христоролюбивых: «Слаб ли я?»
И кидал соболью шапку об пол!

У детины сила молодецкая
Разыгралась: «А пошто не пьете вы?
Угощаю всех, вот пять целковых вам,
Будет мало, я последний рупь отдам!

Я с похода возвратился дальнего,
Воевали турку зачумленного.
Там дома у них стоят хрустальные,
На домах все крыши золочённые.

Бился турок крепко ятаганами,
Головы летели, как капуста.
Ну, да разве русских одолеть ему,
Чтоб его мамаше было пусто!»

И сидели мужики и слушали –
В кабаке для храбрецов не тесно.
Водочку с грибами шумно кушали
И тянули воинскую песню...

⁴ Целовальник – название продавца в кабаке в старое время.
Алтын – монета стоимостью 3 копейки. Полуштоф бутылка –
емкостью 0,6 литра.

Где же наши славянские корни?
Неужели в том мужике,
Что с утра чекушечку дёрнул
И посуду несёт в рюкзаке,
Чтобы сдать и еще добавить,
Подкрепить чекушку пивком,
А потом в компании хаять
Эту жизнь крутым матерком?

Где же корни славянские наши?
Неужели в девахе той –
Лик помятый с утра разукрашен
И отмечен тоской и бедой?
Или, может, в этом безусом,
Щуплом с виду, костлявом мальце –
След иглы на руке, как бусы,
Роковая печать на лице?

Что ж молчишь ты, ау, Россия?!
Как тяжелую боль мне унять?
Ты когда-то была всех красивей,
Ты не смеешь иною стать!

Молящий Бога,
Думай о других,
Коль ты старик –
Тогда о молодых.
О тех, кто, час придет,
Заменит нас,
Молящий Бога,
Помолись не раз!

Молящий Бога,
Если молод ты,
Не пожалей для старых
Доброты –
Извели на свете
Все сполна,
Не все успели –
В том не их вина;

Не все у них сбылось,
Был труден путь,
Не так легко
Навеки им уснуть...
Чтоб продолжалась
Бесконечно жизнь,
Молящий Бога,
За всех нас молись.

ПТИЧКА

Люде

Птичка веточку качает,
Птичка песни распевает,
Серебристый голосок –
Он не низок, не высок.

Эх ты, птичка-невеличка,
Моя милая певичка,
Рыже-белое крыло,
Ты открой мне свою тайну:
Как тебя на Север Крайний
Каким ветром занесло?

Птичка голосу внимает,
В такт головкою качает,
Долго смотрит на меня
И чуть слышно отвечает:
«Не пою, а плачу я!»

ХОРОШО СИДИМ!

На окраине свалки
От солнышка уют:
Три тощих господина
С утра морилку пьют.

Морили этим зельем
Из дерева изделие,
Чтоб колер благородный
Ласкал бы глаз народный.

Теперь три господина,
Устроившись у пня,
Морилкой этой самой
Встречают радость дня.

Господин Савельев,
Слесарь безработный,
По скляночкам морилку
Дозировал беззаботно.

Господин Ливанов,
Подставив солнцу ухо,
На троих старательно
Делил хлеба краюху.

Безработный Савин,
Юный господин,
Пивко на пень поставил –
Заботлив был, как сын.

По первой лихо дернули –
В мозгах занялся дым.
«А что, – сказал Савельев –
Хорошо сидим!»

На окраине свалки
Друг другу морды бьют –
Три тощих господина
С утра морилку пьют!

НЕ ОЖИДАЛИ

Он был душой за Сталина –
Войны той ветеран,
С винтовкой прошагавший
Немало дальних стран.

Другой же был за Ельцина,
Хоть тоже староват;
Все годы перестройки
Был яркий демократ.

А встретились на свалке
В поисках еды.
Не ожидали деды
В судьбе такой беды.

Человек на свете
Все переживет,
Но от еды протухшей
Вздуло им живот.

И маялись недолго,
Реформы все кляня,
Закончив с жизнью счета
В разгар веселый дня.

За тучей скрылось солнце,
Над свалкой воздух мглист.
Лежит на куче смрадной
Заядлый сталинист.

А у подножья кучи,
Отбросами зажат,
Встретил час последний
Заядлый демократ!

ВЕЩИ

Нас поражают вещи простотой:
Вот сумочка из человеческой кожи,
Сработана умелой рукой,
Лежит в музейной нише, как на ложе.
Вот небольшие швейные иголки.
Под дикий крик, стенания и плач
Под ногти их вставлял нарочно долго
И хладнокровно человек-палач.
Вот гвозди из обычного железа...
А не они ли при расправе той
В святое тело Иисуса влезли,
Как в доску, с преобычной простотой?!

НА ПОКОСЕ

Тихо встает рассвет. В руки беру косу.
Влажный лужок лежит. Влажный лужок кошу.
Громко кузнечик поет, прыгает по траве.
Птица низко летит. Птице привет, почет.
Солнце давно взошло, травка обсохла уже.
Звонко коса ведет, молча ложится трава.
Колет пятку стерня. Спину солнышко жжет.
Шмель настырный зудит. Эх, сейчас бы кваску,
Холодку бы сейчас, да отбить бы косу!

ГОСПОДА

Под огромным небом, под куполом туч
Один я стою, везуч-неvezуч,
А мимо меня туда-сюда
Люди бегут, теперь господа!
Один господин сейчас пробежал,
Авоську с картошкой в руках он держал,
Дырявый ботинок, потертый пиджак
С господством его не согласны никак.
Другой господин, помят и не брит,
На травке возле пивнушки лежит.
Ну что ж тут сказать, я такой же, как все,
Стою в сторонке и рад я весне!

ЕСЛИ БЫ ПУШКИН

Если бы Пушкин первым
Стрельнул в Дантеса тогда,
Пуля б попала верно,
Дантес бы ушел навсегда!

И было б тогда неповадно
Уже спустя много лет
На Лермонтова направить
Мартынову свой пистолет!

Но разве рука поэта,
Как бы ни был горек урок,
Смертельного пистолета
Первой спустит курок?!

И стреляет Лермонтов в воздух,
Беспечно на горы глядит.
Пуля Мартынова подло
Сквозь века нам в сердце летит!

ДВОЕ

Лежат на ложе двое: старик и лихорадка.
Она его целует, а старику не сладко.
В мучительном ознобе старик ее ругает,
Но она смеется, да крепче обнимает.
«Старичков люблю я, в молодых что толку!»
И она целует подбородок колкий.
Старичок вдруг вздрогнул, вытянувши тело.
И она о райском житии запела...

Дядя Боря трет живот –
Разболелся с утра что-то –
И теперь одна забота:
Может, как-то заживет.

На лекарства денег нет.
Дороги теперь лекарства.
Он отдал бы и полцарства,
Только царства тоже нет!

ДЕЛО В КРЕСТЕ

*Памяти невинно убиённых в советское время Храмов и
Священнослужителей*

Стены ухали, долго гудели
Но держались, как сталь, кирпичи.
Молчаливо иконы глядели,
Как трудились в тщете силачи.

Вышел Бергер в кепочке плашкой –
По церквам большой комиссар –
На боку полумесяцем шашка,
На лице рябоватом загар.

«Ну, так что ж, мужики, оробели?
Заслабило церквушку ломать!
Ну-ка, снова беритесь за дело,
Тунеядцы, туды вашу мать!

Ну, какие же вы коммунары?
Ничего вам нельзя поручить!
Или вы захотели на нары –
Вшей тюремных собою кормить!?»

А в ответ из заднего ряда
Кто-то буркнул: «Все дело в кресте!
Первым делом его сбросить надо,
А потом добираться до стен!»

«Ну, так что же, всего и делов-то!» –
Крикнул Бергер, смеясь над толпой.
Засучил рукава по локти
И по лестнице наверх – стрелой.

Бергер действовал быстро и смело,
Топором по кресту рубанул.
И толпа мужиков присмирела.
Бергер крест деревянный нагнул,

Покачал, вместе с ним зашатался
И упал с высоты молчком.
Неуклюжий труп распластался
Перед церковью старинной ничком!

Хоронили его под вечер
Среди сельских убогих могил.
Его подвиг был властью отмечен:
Мол, за счастье народа почил!

А церквушка долго стояла
И ничей не ласкала взгляд,
Куполами она не сияла –
Был в церквушке колхозный склад!

Шумим, как волны бьемся
О берег костным лбом,
Но так и остаемся
Зажаты в окоём...

ИУДА

На миг поддавшийся корысти,
За деньги предавший Христа, –
Что ожидать он мог от жизни,
Какая в нем была мечта?

О том узнает лишь веревка,
Что на осиновых ветвях
Пристроил сам Иуда ловко,
Преодолев липучий страх.

Повис в петле своей Иуда,
От смерти не отвел лица,
Но знал, что будут еще люди
За деньги предавать отца!

Выпало счастье-несчастье – поймешь ведь не сразу –
Мне населять этот мир из двух комнат и кухни.
За окном чахлый тополь торчит как зараза,
А вместо филина в полночь «КАМАЗ» вдруг ухнет
И пронесётся, дрожат в рамах стекла, и фортка,
Бездушная тварь из стекла, брусочков, покраски,
Когда ветер дунет, крутнется легко и вертко
И остановится, упершись в окно без опаски.
И вскакиваешь среди ночи от этого шума,
И сердце стучит, не поймешь отчего потревожась.
И не уснешь. До утра будет грызть тебя дума
О том и о сём, тяжелея в объеме и множась...

На улице жарко, на улице смрад,
Мелькают желтые куртки –
Укладывают люди на площадь асфальт,
Спешат которые сутки.

Прессует асфальт тяжелый каток,
От жара земля дымится;
Трава-мурава и прекрасный цветок,
Шипя, под асфальт ложится.

Остынет земля, затвердеет асфальт,
Немало пройдет дней и ночек,
Не вспомнит никто, что под ним лежат
Трава-мурава и цветочек!

Среди зла и лжи, среди коварства
Надо, чтобы жил, людей любя;
Надо, чтобы ты построил царство
Правды – и не только для себя.

Надо, чтоб вперед нас души двигали.
Жизнь на этом свете не проста.
И Господь сгибался в три погибели
Под великой тяжестью креста!

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Елене Ткачук

Над лужей тополиный
С утра летает пух.
Он потому летает,
Что лёгок он и сух.

Каждая пушинка
Будущим живет,
Семя тополиное
По земле несёт.

Всевышний только знает,
Где семя прорастёт
И счастье тополиное
Надолго обретёт.

Пушинки мокнут в луже,
Устилая дно...
И я в горсти Господней –
Лишь семечко одно!

А в жизни так, что тех голгоф
На свете столько, сколь голов:
У каждого своя голгофа
И каждый тяжкий крест несет,
И каждый со своим иудой
В душе мятущейся живет!

СВЕРЧОК

Я песни сверчка любил
Зимними вечерами –
Сверчок жил вместе с нами.
Потом я его забыл.

История эта проста,
Как пламя обсаленной свечки:
Вместо русской печки
Теперь электроплита.

И не о чем вроде жалеть,
Жизнь, в общем-то, прекрасна –
Это давно мне ясно,
Только вокруг посмотреть!

Тревожит меня лишь малость,
О чем вздохнешь иногда:
Берут свое года,
И тихо подходит старость.

И вспоминается быт,
Из которого вышел когда-то.
Я знаю: туда возврата,
Конечно, не может быть.

Но все-таки, как прекрасна
Песня была сверчка!
Охватит вдруг тоска
О песне той вечером ясным.

И вспомнишь мать у печи,
Чугунок на ее ухвате
Иль каравай на лопате...
Сверчок, ты пой, ты кричи!

Напомни с того шестка
Откуда мы есть и были,
Чтоб никогда не забыли
Маленького сверчка!

ВЕРНЫЙ ПЕС

В привязанности пылкой,
В песок уткнув свой нос,
На свеженькой могилке
Тоскует верный пес.

Под холмиком могильным
Лежит его дружок –
Заботливый, двужильный,
Веселый мужичок.

Мужик был для собаки
И друг, и господин.
Теперь на этом свете
Остался пес один.

Кто-то сердобольный
Еду ему принес –
Понюхал и невольно
Отворотил свой нос.

Сверху солнце светит,
И снова дождь идет.
Забыв про все на свете,
Пес верный друга ждет...

Ты, я слышал, отличник. Хвалю, молодец!
Пионер, активист, член совета дружины.
Честный парень, правдивый, прямой, не гордец.
Я с тобой говорю как мужчина с женщиной.

Что ты слышал о Блюхере и от кого?
О Белове каком-то?»
Я сказал: «Командарме!»
«Даже так?» – удивился он. Я запнулся.
«Да нет, ничего,
Продолжай, продолжай, будем мы благодарны».

Так я выдал Егорыча НКВД,
Сам того на мизинец не понимая.
Вышел я от дружка, было тихо везде,
Только ласточка вдруг пролетела лихая.

Был Василий Егорыч любимый, да сплыл!
Увели два чекиста его на рассвете.
О «врагах народа» он нам говорил,
Видно, был давно в НКВД на примете.

Минуло полвека, а я, как сейчас,
Вижу дядю того и себя, пацаненка.
И хотел бы спросить, если б встретил хоть раз:
Каково же допрашивать было ребенка?!

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ

На экране телевизора ребенок:
голос неприятный, как писк комара,
Весь потрепанный, голопузый, чумазый,
в общем, как беспризорник,
Но при родителях – есть мама и папа,
еще брат и сестра.
Всхлипывает, ручонкой размазывая слезы
на лице тошем,
Говорит о своем житье-бытье:
папа пьяненький часто чешет свои кулаки,
Мама не пьет, она на игле сидит, на какой – он не знает,
А бабушка с дедушкой вместе с тетей Анной
от них далеки –
Они папу и его кулаков боятся, словно заразы –

Где-то в Сибири живут,
у них есть корова большая и Тузик большой.
Брат ему читал письма от деда, сам он читать не умеет –
Учиться в школе, трудно ему с больной головой,
и сестренка его тоже все время болеет.
Тележурналист на полуслове
прервал интервью с ребенком –
Уж больно, видно, за живое его взяло –
Выключил аппаратуру и отошел в сторонку.
Незавидное, скажу вам, его ремесло!

СТАРУШКА ТЕСТО МЕСИТ

Тесто старушка месит,
скрипом стол оживляет
кухни знакомый пейзаж, –
Убогий пейзаж: сковородка без ручки,
с трещиной чашки,
Три тарелки глубоких, кастрюли – столетний стаж;
Пятна на стенах стайкой расселись, как пташки.
Тесто старушке месить привычно, как птичкам летать.
А вот о полетах не думала, как-то не было времени.
Когда-то мечтала она Василисой Прекрасною стать,
Но жизнь ее все ж из иного возникла семени.
Не вышла статью: с детства – горб большой на спине,
Кривые ноги, – ну кто ж полюбит такую?
Появилась на свет она по чьей же вине?
По чьей же вине прожила она жизнь, о любви тоскуя?
Месит тесто старушка: приемный придет сынок –
Его воспитала, из грязного взяв когда-то притона.
Здоровым вырос и буйным, в тюрьме отсидел уже срок.
Подолгу он не бывает у приемной матери дома.
Старушка духовку включила, рядом присев,
Задумалась крепко, растерянно ногти кусая,
Мурлыча тихонько одной ей знакомый напев.
Ну что же тут скажешь, если жизнь у нее такая!

Не знаю как, но дожил до седин.
За то спасибо Господу большое.
Как выживаем, знает Он один,
Мы только знаем – что это такое!..

ЖИЛ НА СВЕТЕ

Жил на свете, душой чист,
Петр Егорыч – оптимист.
Когда денежки считал,
До упаду хохотал:

Раз копейка, два копейка,
Насчитал он целый рупь.
Анна Ванна, дорогая,
За рублевку приголубь!

Анна Ванна выбегает,
Тапок в Петеньку кидает
И кричит во весь отпор,
Чтобы денежки припер.

На сметану, на повидло,
Хлеб, картошку, сахарок.
И на всё другое деньги
Приносил бы точно в срок!

Петр Егорыч – безработный,
Может, даже инженер,
Тапок на лету хватает
Для принятия должных мер.

Полетел обратно тапок –
Перелет иль недолет?
С любопытством зрят соседи
Чья, в конце концов, возьмет?

Две синички спускаются лихо,
Следом коршун зловеще летит,
А вокруг все спокойно и тихо,
Только сердце тревожно щемит.

Жаль синичек, и коршуна жалко:
Не со зла же он метит на них.
Повернули синицы к парку,
Скрывшись ловко в ветвях вековых...

КИРИЛЛИЦА

Кириллица – великая наука –
Начертано святейшею рукой:
Аз, Веди, Како, Слово, Буки,
Глаголь, Добро, Мыслете, Он, Покой.

Славянской вязи огненные строки,
Прошедшие сквозь бурные века:
Души славянской трудные истоки,
Не о войне, о мире в ней тоска.

Глаголицей свое мы отглаголим,
Начав, как и всегда, с самих азов.
И снова станем гольтьбой и голью,
И снова будем брать назад Азов!

Бывает так: в разгар весенний мая
Вдруг мрачно станет, холодом дохнет,
Буран метет, как полчища Мамаю,
И кажется, что все собой сметет.

Но выйдет солнце из-за дальней тучи,
Лучи пробьются к нам издалека,
И за терпенье с ними доли лучшей
Пошлет славянам Господа рука!

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Саблю точит Денис на большом валуне,
Поддается с трудом булат.
Вихрем в бой летит на своем скакуне,
И сам черт Денису не брат!

После боя гусары разводят костер,
Мясо варят и пунш горячат.
Сам Господь над ними простер свой шатер,
И луна, и звезды молчат.

Боевая песня несется окрест –
Автор песни Давыдов Денис.
И блесит на груди Георгиевский крест,
И гусары кричат ему: «Бис!»

ДОСТОЕВСКИЙ

Говорят, Достоевский снимал квартиры
Так, чтоб ясно был виден ему Божий храм,
Достоевскому храм заменял полмира –
Остальные полмира он придумывал сам!

Говорят, Достоевский работал ночью,
Абсолютный любил при работе покой,
Чтобы жизнь иную увидеть воочию,
Чтоб никто не мешал той жизни иной.

Пусть бредет в забытьи Мармеладова Соня,
И Раскольников точит в раздумье топор,
И Рогожин на Настеньку смотрит влюбленно,
Пачки денег кидают в пламя на спор!

И натянуты нервы героев, как струны,
И воспрянет вдруг павший, а гордый – падет!
И спешит Достоевский писать ночью лунной
То, что в миг откровенья к нему вдруг придет...

И когда плыть рассвет начнет понемножку,
Он устало отложит в сторонку роман
И посмотрит на купол храма в окошко,
Проступающий сквозь предрассветный туман...

Мой отец перед смертью
сидел на крылечке старого дома
в таежном поселке.
«Подышать надо воздухом свежим,
что-то в груди защемило», –
сказал он и вышел.
За оградой при свете луны
шептались о чем-то сосны и ели.
Ветерок, летний «Сиверко»,
шелестел тихонько соломой на крыше,
Словно материнские пальцы,
перебирал он заботливо
волосы поредевшей прически.
В полночь завyla собака, старая сука,
выла протяжно и долго,
Лизала отцу холодеющий лоб,
и был язык ее влажный и жесткий.
Видно было, убивалась она
по любви большой, не по долгу.
Через неделю, свои вещи погрузив на большую машину,
Заколотив дверь досками, мол, вернусь я, однако,
Жена уехала в город, там был у нее знакомый мужчина,
А над могилой отца грустила одна лишь собака

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

Я – царь Вселенной из двух комнат, коридора, ванной,
А также балкона, кладовки,
книжных стеллажей, антресоли,
И, главное, кухни с питательностью несказанной,
Если, конечно, народ мой варево не пересолит.
А народ мой: кошка Марта, собака Тяпа,
а также жена и теща.
Есть и неконструктивная оппозиция в лице сыночка.
Все за мирное сосуществование,
но каждый
контролирует определенную площадь,
Поэтому царем такой Вселенной быть очень сложно,
иная ночь
Проходит в дебатах о правах наций на самоопределение.

Выясняется, кто есть кто,
и от этого расшатываются Вселенной устои.
Кошка Марта молчит, но у тещи,
как всегда, неадекватное самомнение.
Собака Тяпа – моя единственная опора,
и это немалого стоит!
Любит колбаску, а сами знаете,
какие в наше время цены.
Особенно косточки ей подавай, мерзавке!
Но все-таки ее поддержка для меня, как царя, ценна.
Приходится за косточками бегать самолично в лавку.
Жена в таких разборках держит
вооруженный нейтралитет,
Как некогда императрица Екатерина Великая
Держала, когда мешал ей Лондонский кабинет.
В результате вооруженного нейтралитета
неоднократно лишался лика я,
А при фингалах на лице царя
у народа зреет криминальная мысль
о неполном соответствии царя
международным отношениям.
Бывает, момент текущий таков,
что остро нуждаешься в оседланном верном коне
И в целой армии, в боевом порядке в атаку идущей!
Но лучше, как кто-то верно подметил,
плохой мир, чем хорошая война.
Первой на мир идет кошка Марта,
соблазненная свеженькой рыбкой.
Потом и теща начинает говорить о мире,
хотя все еще боевого задора полна.
Жена, как всегда, держит вооруженный нейтралитет,
Устанавливается мир, хотя и зыбкий.
И снова я царствую на благо народа Вселенной всей!
Радостная бегают по Вселенной собака Тяпа.
Даже неконструктивная оппозиция
молчит несколько дней...
И жена не ворчит, что я такой-растакой и растяпа.

Когда укроюсь с головой,
Хочу, чтоб только ты приснилась.
Так окажи такую милость:
Явись под утро предо мной!
Душой я стану снова юн:
Тут ни прибавишь, ни убавишь –
Я без тебя ненужный клавиш
В рояле, что стоит без струн.

Мне не грозит влюбиться в Вас,
В другую женщину влюблен я,
О ней мечтаю, каждый раз
Ее красую удивленный;
Но в ваши посмотрю глаза
И сердце вдруг мое забьется:
Так над огнем порой оса
Иль мотылек безумно вьется

ГЕКЗАМЕТРЫ

1.

Сложен любой человек из костей, сухожилий и мяса,
Из кишок, кровеносных сосудов и кожи, конечно,
И непонятно, как в этом собрании плоти
Светлое чувство любви, словно роза весной,
расцветает..

2.

«Для здоровья, профессор, весьма поцелуй мне полезен.
Такой поцелуй, чтоб в истоме заныло сердечко,
Чтоб грудь и живот, и конечности даже волною
Теплой обдало, а щеки алыми стали.
Профессор, очень прошу, назначьте в рецепте
По два поцелуя утром, в полдень, на вечер – особо!»
«Ну что ж, – отвечает профессор, – коль Вам помогает,
я выпишу в сутки по пять поцелуев, но больше
Нельзя. Надо помнить: любое на свете лекарство
В избытке большом ядом смертельным бывает!»

Наконец-то свершилось, свершилось!
Жизнь отныне станет чудесной.
И работать не надо – будем
наедаться манной небесной!
И лучились у многих глазки от такой фантастической сказки.
Как и ныне – у нас – в России, только нету у нас мессии!
И когда Иисус Назаретский,
воздев руки, сказал народу,
Что трудиться Самим Отцем
завещано каждому роду,
Что не главное в мире богатство,
а важнее всеобщее братство,
Что не надобно больше крови –
надо жить в торжестве Любви;
И когда Иисус Назаретский,
воздев руки, призвал к покаянью,
Чтоб очиститься грешным людям,
закричали все: «Окаянный!»
И призвали евреи Пилата,
чтоб свершилась быстрее расплата,
И потребовали гневно распятыя,
осыпая Иисуса проклятьем.
И понес Иисус Назаретский
на Голгофу свой крест тяжелый,
И надели ему на темя
остроиглый веноч терновый,
И ругали Его, поносили,
и проклятья ему возносили...
И, от злобы коварной белея,
издевались над Ним евреи!
И сказал Иисус Назаретский,
Божий Сын, на кресте распятый:
«Ты прости им, Отче небесный,
этот весь их грех распроклятый,
Ведь не ведали, что творили...
Отче, дай мне такие силы,
Чтобы жертвой своей навеки
искупить все зло человека!»

Циники, эмпирики, софисты...
Философия, в общем, не проста.
Были в меру наглы и речисты.
Средь похвал бывало и средь свиста,
Жег глагол их мысли и уста.

Диоген смотрел на них из бочки,
Говорил в раздумье, как пророк:
«Это все пока еще цветочки,
Ягодки созреют – дайте срок!»

Читаю Твою Заповедь ночами
И с воспаленными очами,
Помяв неснятую рубаху,
Ложусь я с третьим петухом
В постель смиренно, как на плаху,
Сооруженную грехом.
О, Господи все видит око
Твое в моей душе жестокой!
О, Господи, где взять мне силы
Свою гордыню пересилить?

Я заблудился в памяти моей –
Никак не вспомню то, что надо вспомнить,
А помню то, что надо бы забыть,
Что, как врага, давно приговорить,
И приговор расстрельный тот исполнить!
И каждый раз, когда воспоминанья,
Набравшись храбрости, веду на эшафот,
Мое, как в пытке, сердце кто-то жмет
И кто-то забывает кляпом рот,
И молча я один стою у стенки...

Где взять мне мудрости житейской,
Чтоб над страницей библейской
Задуматься, постигнуть суть
И совершить свой крестный путь?!

Тогда бы, грешный, я, наверно,
Очистил бы себя от скверны,
Отбросив прочь тоску и муть,
Постигнув жизненную суть.

Но где мне взять такие силы,
Чтоб и враги мне были милы,
И всех я возлюбить бы мог,
К своим поступкам был бы строг?

Я выйду утром на крыльцо,
Омою воздухом лицо,
Пред солнцем голову склоня,
Скажу: «Господь, прости меня».

Татьяне Александровне Власовой

Золотого солнца кольцо.
Иду, дорогой влеком.
Вдруг дохнуло в лицо
Легким таким ветерком.

На листья я посмотрел:
Ветра-то, собственно, нет!
Неужто ангел летел
И свой передал привет?

БЛАГОДАРНОСТЬ

Все реже вспоминаю вас, все реже
Свечу за упокой ваш в церкви ставлю,
Но мысль мелькнет – остра – боюсь, зарежет:
Какую память о себе я сам оставлю?

Я вас любил, я вас любил! Вы знали это.
Но как мы все не понимали, не вникали:
Вы не ценили никогда во мне поэта,
А я заслуги ваши предо мной – едва ли!

Оставили меня мои родители.
Спасибо вам, и дедушка, и бабушка.
Судьбе моей вы были не вредители,
Но идеал ваш – сдобные оладушки.

Накормлен был; одет – нередко в стареньком,
Но чисто все, заштопано, где надо.
Я помню: дед чинил мне часто валенки –
Ходить в них было для меня усладой.

Дед – царский офицер, крестов с полдюжины,
Участник пяти войн, молчал об этом,
Иначе б его «молодцы» утюжили –
В НКВД бы не увидел света он!

Дед Тимофей, я не могу спокойно,
Прости меня, все вспомнить и сегодня,
Ведь о себе молчал ты, как покойник,
Кем в самом деле был. Стезя Господня!

Ты, бабушка Авксентьевна, Анюта,
Не совершала подвигов особых,
Но никогда мне не забыть уюта –
Все делала, удобно было чтобы.

Уж четверть века вы в земле лежите –
Немало лет, а время лечит раны.
И дедушка, и бабушка, простите,
Я памятью о вас навеки ранен!

Все реже вспоминаю вас, все реже
Свечу за упокой ваш в церкви ставлю,
Но мысль мелькнет – остра – боюсь, зарежет:
Какую память о себе я сам оставлю?

Скособоченные хибарки,
Почерневший сарай в стороне.
Здесь две бабки живут, перестарки.
Счет годам ведут по весне.

Жизнь продолжится, если весною
Переборена будет зима.
Утром ставни пошире откроют
Со старушечьим вздохом: «Эх, ма!»

Я тропюю пройду недалекой
Мимо этих старушек и хат.
И кольнет мне под сердце жестоко,
А глаза от слез заблестят...

Эти улитки,
Приползшие издалека, –
Доля их нелегка;
Сохнут на солнце без воды.
Нет им назад пути.
Господи, их прости,
Они ведь твари Твои.

Эти птицы
Бьются с размаху
В стекла теплицы,
Хотелось пожить им в светлице,
А натерпелись страха,
И нет им назад пути.
Господи, их прости,
Тоже ведь твари Твои.

Я и сам
Редкий день не в смятении –
Волнуюсь, как растение,
Которому мешают расти.
Господи, меня прости,
Все ведь мы твари Твои.

Печальница русская, Большая Медведица,
Молчишь все – боишься, что небо разверзнется
Над стылою, зимнею, грустною Русью...
Все образуется, не бойся, не трусь ты,
Весною растопит снега эти снова,
Ведь все подчиняется Божьему Слову!

Сколько тех, кого я видел
(Если вправду я их видел),
Своим словом я обидел
(Если вправду их обидел)?

Сколько тех, кого любил я
(Если вправду их любил я),
В свое сердце уложил я
(Если вправду уложил я)?

Сколько тех, кто меня знали
(Если вправду меня знали),
О любви мне не сказали
(Если вправду не сказали)?!

Людмиле

Не говори мне: «Счастья нет!»,
Не говори мне: «Жизнь жестока!»,
Когда свой радостный привет
Нам солнце шлет, идя с Востока!

Когда вдруг отзовется лес
Веселой песенкою птичьей,
И голубая даль небес
Для глаза снова непривычна,

И снова колокол звонит,
И крест на солнышке сияет,
И вновь душа моя парит
И милость Божью призывает!

Ты говоришь: «Верлибр».
Я говорю: «Проза!»
Но этот опус твой
В сердце вошел, как заноза:
«Поцелуй матери,
Поцелуй любимой...
Поцелуй Иуды –
Тоже поцелуй!»

Члены семьи Владимира Аксёнова. 1978 г.

Первый ряд (слева-направо): Племянница – Марина, жена –
Елизавета Абрамовна, Владимир Аксёнов.

Второй ряд (слева-направо): сын – Владимир, сын – Констан-
тин.

ИЗ КНИГИ «ЗЁРНА»

2003

ЖИЛА НА СВЕТЕ ДЕВОЧКА

Жила на свете девочка. Романтик.
Стихи писала и носила бантик.
И заплетала туго-туго косы.
И задавала умные вопросы.

И жил на свете рядом с нею мальчик.
Но это ровно ничего не значит,
Поскольку он на умные вопросы
Ни разу ей ответить не сумел.

И девочка его не замечала.
Она стихи в тетрабочку писала.
А мальчик не писал, он бегал в поле,
Ловил там птиц и на просторе пел.

А время шло. Деревья постарели.
А люди подросли и поседели.
И девочка солидной дамой стала.
Писать стишки в тетрадку перестала.

Она детей водила на прогулку
И каблочки ее стучали гулко.
И мальчик тот – лысеющий мужчина –
Вышагивал он с нею рядом чинно.

А дети лепетали: «Мама! Папа!
Смотрите, как хвостом виляет Тяпа».

И ночью Ладога не спит.
И ночью беспокойно бьется
Волной могучей о гранит
И в елях эхо отдается.

Дрожит гранит, дрожат леса,
Свет маяка едва мигает.
Слились с волною небеса –
Волна из неба возникает!

Веточкой листочки я раздвину,
Оголю боровика головку,
Ножку толстую подрежу ловко –
Положу боровичок в корзину.

Ягодку черничку повстречаю,
Поклонюсь ей низко-низко в ножки,
Положу, родимую, в лукошко –
Хорошо варенье будет к чаю!

Выйду потихоньку я из бора
И пойду по скошенному лугу
Мимо ручейка, чижи в котором
Спинки моют весело друг другу...

ФРУКТЫ

На свалке с утра копошится народ –
Меж куч и завалов разборка идет:
Горбятся все – и старый, и малый,
Сегодня на свалке завоз небывалый;
Свалил самосвал залежалые фрукты –
Бананы, груши, гранаты, ух ты!
Ешь ананасы и рябчиков жуй,
Если на свалку придет их буржуй!

В СКУЛЬПТУРНОЙ ГАЛЕРЕЕ

От ужаса мой застывает взгляд,
Наполненный и мукою и болью:
Отрезанные головы стоят
На постаментах, как на кольях!

ВОЛК

Я понимаю волка: нет жесточе
Условий тех, в которых он рожден.
Не зря и клык его остро́ отточен,
И зоркий глаз на жертву возбужден.

Волк мчит по лесу. Посмотри – красавец!
Как шерсть густа, как пышен его хвост!
Едва к земле ногами прикасаясь,
От жертвы не скрывает он свой рост.

И горе жертве, если мало силы,
И если в лапах вдруг исчезла прыть!
И все же, если бы меня спросили,
Ответил: волком не хотел бы быть.

Мелеет Вуокса. Камни, как бусы –
Усеяны ими и берег, и русло.
Меж валунами в течении зыбком
Всплеснет кое-где осторожная рыбка –
И чайка тотчас над водой воспарит!
Большие, красивые, быстрые крылья
Рыбку мгновенно тенью накрыли.
Бедную рыбку чайка когтит!
Блеснет на солнце над речною водою
Рыбка горестною слезою.
Пара взмахов крылами – и вот
Рыбка тихо по небу плывет.

Не случайно слова рифмуются,
Есть какая-то магия слов.
Согни лет люди рифмой любят:ся:
«Розы – слезы» и «кровь – любовь».

Что бы им ни кричали эстеты
О банальной затертости слов,
Но всегда напишут поэты:
«Розы – слезы» и «кровь – любовь!»

Потому что в этом есть правда:
Роза счастья не долго цветет.
Счастье – высшая в жизни награда,
Но ее не каждый найдет!

Потому что часто случается,
Когда речь идет про любовь,
Человек в ней так отчаётся,
Что его закипает кровь!

И грянул гром. И запах серы,
И черный дым вокруг меня, –
И предо мной лик Люцифера
Возник из дыма и огня.

Рога и хвост, с клыками морда,
Хотя по внешности мужик.
И крикнул я: «Какого черта!»
Но тут же прикусил язык:

Ведь предо мной сам черт явился!
Улыбку сделав на устах,
Он мне галантно поклонился.
И улетучился мой страх!

И молвил Люцифер бывалый,
На шулки разные мастак:
«Я облетел почти все страны,
Послушай-ка меня, простак!

Живешь ты хуже эфиопа
В России бедственной своей.
Вас презирает вся Европа –
Так пел мне этот «соловей» –

Продай мне душу, дам я баксов
Мешок, а хочешь, даже три!
Такая в преисподней такса.
Лежат готовые, смотри!»

И взял я те мешки тугие,
Горбатясь, их домой принес.
Вперив в соседа глазки злые,
Завыл я, как бездомный пес, –

То, видимо, душа прощалась
На веки вечные со мной,
И улетала моя жалость
К России вместе с той душой.

Проснулся я в поту холодном,
Лежу, открыв глаза, стыжусь:
Да разве я, хоть и голодный,
Продам тебя, родная Русь?!

Мне не нужны золотые горы
И реки полные вина, –
Чтоб только ты не знала горя,
Моя любимая страна!

КВИНТ ГОРАЦИЙ

Квинт Гораций, ты любил,
чтобы были зеркальные стены,
Чтобы тело твое и любовниц твоих
видно было с любых позиций,
Что ж, Гораций Великий, по крайней мере,
ты был откровенен!
Так тебе было легче в женское тело влюбиться

И войти в него, и блаженство испить, и забыться.
Не гнушался чужою женой
и свою послушной рабыней,
В жаркой истоме лихорадочно тискал женские груди,
Забывал в пылу страсти о своей непомерной гордыне,
В каждом зеркале видя, что уже было и будет.
Кто ж тебя, Квинт Гораций, за это осудит!

Жизнь – качели: то правда, то ложь,
Столько истин, что вокруг голова!
Помогали мне деда слова:
«Правда есть, если с верой живешь!»

На линии Маннергейма тихо,
Молчит угрюмо старый дот.
В нем осторожная зайчиха
Который год с семьей живет.

Вокруг заросшие окопы,
Замшелых надолб валуны...
Полвека на полях Европы
Не полыхал пожар войны.

Прошло полвека – мало ль, много ль,
О том расскажет горько мне,
Кто вспоминал все время ногу,
Оставленную на войне.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Шаровая молния ринулась с небес –
Шар, горящий пламенем с голубой каймой.
Слышится: все ближе раздается треск,
Кажется, уже над самой головой!

Встал я в страхе к стенке, словно на расстрел.
Шар нацелен в грудь мне, но не долетел:
От удара в стену в искры превратясь.
И впервые Бога вспомнил я, крестясь!

В мире этом жизнь не проста,
Где за деньги предали Христа,
Но висит на кресте Иисус,
Потому и я не боюсь!

АПЛ «КУРСК»

Памяти моряков атомной подводной лодки «Курск»

В новой часовне зажглись поминальные свечи.
Голову склонил каперанг пред иконой святой.
Ждет он с друзьями, ушедшими в море, встречи,
Верит, что в здравии все возвратятся домой.

Что ж, каперанг, твоя вера поможет, конечно,
Только на дно субмарина навеки легла.
Сто восемнадцать почили в пучине кромешной,
Сто восемнадцать отважных стихия взяла!

Как от козла, от флота остались рожки да ножки,
Нечем спасать моряков, попавших в беду.
Что ж, каперанг, на душе давно скребут кошки,
Мозг воспален, живешь как в каком-то бреду!

В новой часовне зажглись поминальные свечи...
Ты поплачь, каперанг, молчаливо не стой,
Как говорится, еще далеко не вечер:
Не эти, другие, но все же вернутся домой!

А если опять, не дай Бог, может такое случиться,
Кому-то в пучине морской опять погибать,
То так бы погибнуть, как эти сто восемнадцать,
Чтоб смертью своею правду всю показать!

Когда пуля тело твое ожжет –
Не заметишь в пыли атаки,
Но туманом когда глаза обоймет
И не хватит твоей отваги,
И ты, хватая воздух в горсть,
Отбросив прочь автомат ненужный,
Поймешь, что на этом свете ты гость,
И будешь кровью дышать натужно.
И ты не вспомнишь мать свою, нет,
Не вспомнишь ты и глаза любимой,
Ты будешь смотреть на тусклый рассвет,
Страшной силой в груди теснимый.
Ты будешь воздух последний глотать,
Под ногти землю вгонять, рыдая,
И будешь хрипеть и в душу, и в мать,
Поняв, что земля для тебя чужая.

Боже мой, как они целовались,
Как дышали в закутке за печкой,
Как шептались друг с другом чуть слышно,
Как протяжно, как томно вздыхали!
Мне, случайному постояльцу,
Не спалось, слушал грустно влюбленных,
И мечтал, и мечтал, вспоминая
Твои губы, глаза, блеск волос.

Утром встала хозяйка пораньше
И в закуток за печку нырнула:
Оказалось – в закутке квашня!

Больше всего на свете боюсь,
Что минус на минус – всегда будет плюс!
А минус на плюс – все равно будет минус,
Об этом вещал даже древний папирус.

Не только в математике – и в жизни так:
Всегда всемогущ отрицательный знак!

Говорят, что между адом и раем перегородка тонкая,
однако непроницаемая.
Известно: что годится для ада,
раем полностью отрицаемо.
В раю – сам апостол Петр с ключами из золота,
с брелоками алмазными.
В аду – бесы, черти и прочие –
с рожами рогатыми, безобразными.
В раю кущи райские с райскими птичками,
с голосами райскими райские дамы.
В аду все напичкано котлами адскими,
а в котлах – бомжи да путаны,
Бандиты, жулики, ворье,
немало и другого разного сброда.
В котлах круглосуточно жар,
чтоб иметь кипящую воду.
Нетрудно представить,
какой там вопль стоит, какие стоны!
К сожалению,
все эти действия чертей вполне законны...
Как подумаешь,
что между раем и адом перегородка тонкая,
Что можно легко сбиться с пути,
не туда завернуть, заноев печенка,
На душе, словно кошка вдруг заскребет,
заноев сердечко:
Ведь благ в этом деле – ничто,
и никто не замолвит словечка!

И дважды, и трижды пропел петушок,
Тряся на ветру небольшой гребешок,
И вторил ему соседский петух,
Пока свет в соседнем окне не потух.
Петух хорошо знал свое ремесло:
Он громко кричал, чтоб проснулось село.
Село-то проснулось, но вместо граблей
С утра звон стаканов и просьба: «Налей!»
Колхоз растащили, продали пай,
Вином заливают глотки свои.
Время лихое, грехи не легки!
Давно уже спились в селе мужики.
Но два петуха еще громко поют:
Про землю забыть мужикам не дают.

Когда пройдет полста
И станешь ты мудрей,
Поймешь,
Что жизнь не та
И ты не тот пред ней.
И как ни суетись,
Как ни кори себя,
За ту, что есть, держись,
Лелея и любя!

Стучит и стучит дятел.
И кто же его поймет:
Может, он, как приятель,
Счастье мое кует?

А может, на всю полянку,
Выбрав удобный момент,
Стучит на меня подлянку,
Как самый тайный агент?

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Над полем Куликовым черные⁵ знамена,
Кто poleg под ними, мы знаем поименно.
Знаем: старой Русью мы все гордиться можем –
Не любили трусов, паникеров тоже!

Сам великий княже в рукопашной битве
От контузий ляжет, крепко весь избитый.
И о Бренке помним мы, о славном Михаиле –
В одежде князя Дмитрия враги его убили.

И думали: раз князь убит, у них в руках победа.
О русской хитрости простой вражий ум не ведал!
И о Боброке помним мы, о воеводе славном,
Уничтожившим врага резервом нашим главным.

...Прошли века, но вижу я: над полем пыль клубится –
то из засады, словно вихрь, дружина наша мчится!
Ударит лава по врагу, все на пути сметая.
И снова победит она – наша Русь святая!

Может, время в себя заглянуть?
Да, но как же найду я окошко:
А найдешь – в нем такая окрошка,
Непонятная, в общем-то, муть.
То за правду борец, то за кривду,
То совсем неизвестно за что –
Вся мораль, как пиджак иль пальто,
Что надену сейчас – в том и выйду...

⁵ В то время московское великокняжеское знамя было черным с вышитым на нем изображением Иисуса Христа, см. «Сказание о Мамаевом побоище».

ПАМЯТИ МАРТЫ

Льет луна печальный свет в окошко.
Глаз зрачки, как звездочки, горят.
Разродиться не сумела кошка –
Мертвые котяточки лежат.

И последний вышел вместе с лоном,
Возле кошки весь в крови лежит.
Кошка смотрит нервно, удивленно,
От озноба хвост ее дрожит.

Поняла ль она, какая участь
Ждет ее – едва ли. Не о том
Думает она, совсем измучась,
Прикрывая мертвого хвостом.

И, собрав остатки прежней силы,
Тянется к котенку облизать
Только что остывший лобик милый
И слепые узкие глаза.

Вылизала кошка шерстку трупа
Под свой тихий ласковый напев
И уткнула свою морду тупо,
Непонятно вдруг отяжелев.

Льет луна печальный свет в окошко,
Неподвижно вдале глаза глядят.
Разродиться не сумела кошка,
Рядом с ней котеночки лежат...

АРЕСТ

Вошли трое. Долго рылись в книгах, в шкафах,
в белье грязном в ванной.
Понятые сидели, съезжившись, с таким видом,
чтоб только их не «забрили».
Подавленные хозяева квартиры
друг на друга смотрели странно,
Когда чекисты переворачивали диван,
на котором они друг друга любили.

Все перевернули в квартире до основания!
Каждую находку пристально рассматривали в лупу,
Действовали решительно,
на обыск у них хватало знания –
В НКВД народ служил далеко не глупый.

Наконец, ничего не найдя крамольного,
у старшего сдали нервы,
Он подошел к хозяйке вплотную
и сказал с расстановкой сурово:
«Или сама мне отдашь документы, рыжая стерва,
Или я сам их у тебя заберу, мне это не ново!»

Она гордо откинула со лба прядь волос рыжеватых
И ответила дерзко, с презрением,
как когда-то жандармам:
«Ну, так что же, чекист, наконец, ты нашел виноватых,
Что медлишь, действуй,
начальство будет твое благодарно!»

Но слова ее не смутили чекиста нисколько,
Он грубо залез рукою костистой в ее бюстгальтер.
Рванулся к чекисту ее муж бесстрашный Колька,
Но другой чекист сунул в бок ему
ствол пистолета «Вальтер».

А улика была уже в руке у старшого –
Вчетверо сложенный, из тонкой бумаги листочек...
И глядел в испуге на дядей чужих пятилетний Вова,
Хилый здоровьем, единственный мамин сыночек...

Все, что меня давно давило,
Что жгло и мучило меня,
Все постепенно растворилось,
Как звезды, при восходе дня.

Как все, я притерпелся к веку
И приобрел степенный вид.
Но вот увидел я калеку,
И сердце снова так болит!

НА СМЕРТЬ БАБОЧКИ

Она мертва, возможно, с осени, а может быть, и с лета,
Лежит меж грязных стекол двойной рамы.
Увы, давно уж песня ее спета
Но мертвые, как говорят, не имут срама.

Она в окно нечаянно влетела,
Не ожидая от него коварства;
В борьбе изнемогало ее тело,
Но победило межоконное пространство.

Она поверила прозрачности стекла
И форточке, открытой нараспашку.
Красивая и строгая, бедняжка,
Доверчивости жертвою была!

Всю ночь они целовались,
Клялись в вечной любви.
Ветерок с Ладоги
Тихо шелестел листьями.
У нее на голове
Горела звезда.
У него – два рога
Молодого месяца...

Ветер, как великий капельмейстер,
Музыку завел с простором вместе.
Ладога как музыкант в ударе,
Волны будто струны на гитаре,
А по ним, отважная на вид,
Медиатор-лодочка скользит.

Пила с утра поговорить любила
С дровяным сучкастым сушняком;
Кончала разговор за три отпила,
Потом сушняк общался с топором.

Все было мило: солнышко светило,
И ласточка сидела на коньке.
Сушняк и печь друг друга полюбили,
Родив супец прекрасный в чугулке!

Пасхальный день. Вдруг с неба снежный вихрь.
Я повернул скорей к себе домой.
Слегка коснувшись нежно губ моих,
Снежинка похристосовалась со мной...

Моя мама жила по соседству
С полупьяным большим мужиком.
Я крутился у деда волчком,
Проживая сумбурное детство.

Непонятно, как тогда жил,
Помню только, что был я упрямым.
Помню запах черемухи пряный –
Был мне сад этим запахом мил.

А потом хотел правду узнать,
Когда стал долговязым подростком,
Колотил кулаками я в доски,
Вызывая из домика мать.

Как я был взбудоражен и зол,
Как внутри у меня клокотало!
Не добившись свиданья, устало
Навсегда я от мамы ушел!

А теперь, через столько-то лет
Вспоминаю о том и горюю:
Ну, чего я все время воюю,
Будто, кроме моей, правды нет!

Сон приснился, к чему бы такое?
На телеге везли его стоя,
И не просто в телеге, а в клетке –
Между прутьев ячеечки редки.
Окровавлен, подвязана челюсть.
И узнал я, глазами прицелясь:
Это ж сам Робеспьер. Робеспьер!!
Социальных идей пионер.
Что ж ты в клетке, как птичка, милый,
Что же вид у тебя унылый?
Встрепенись, призови народ к бою,
Поведи на штурм за собою!
Но все штурмы уже отшумели;
Растащили все, что сумели,
Что смогли – давно отобрали
И Бастилию с землею сравняли.
У возникшего нового мира
Теперь в моде другие кумиры,
Теперь в моде иная вера...
На казнь везли Робеспьера,
А народ улюлюкал, смеялся,
В Робеспьера нахально плевался.
Сон приснился. К чему бы такое?
Он теперь не дает мне покоя...

СУХОСТОЙ

Стоит сосенка сухостоем.
Кора еще крепка на ней,
И осы вокруг летают роем,
Но с каждым годом все темней,
И с каждым годом ей соседки
Все больше заслоняют свет;
Хоть тянет к солнцу свои ветки,
А жизни нет, и смерти нет!

КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА

«Коктейль Молотова»⁶ знаменитый –
Он его когда-то знал!
И сейчас помнит танк подбитый –
Весь железный, а как пылал!

Он кружил над его окопом,
Все железом горящим круша.
В единоборстве с танком жестоким
Трепетала солдата душа.

Наконец танк затих понемногу,
Испустив удушающий чад.
Потерял в этой схватке ногу
Молодой первогодок-солдат.

Этот бой в его жизни первым,
И последним был этот бой.
Напряженья не вынесли нервы –
В пять минут стал солдат седой.

Только ночью пришли санитары.
Проползли мимо: вроде, мертвец.
Но один из них опытный, старый,
Поглядел: «Жив, кажись, молодец!»

И с тех пор, подлечившись маленько,
Уж полвека он помнит тот бой.
И живет на краю деревеньки
Ветеран с деревянной ногой.

⁶ Так называли бойцы бутылки с горючей смесью.

И когда в день Девятого Мая
Самогонки старуха нальет,
«Коктейль Молотова» вспоминая,
Не таясь от людей, вдруг всплакнет.

Встала, взбила постель, покрывало
Постелила красивым ковром,
Поглядела в глаза мне лукаво
И взмахнула прощально крылом.
Улетела беспечно, как птичка,
Не сказав на прощанье: «Люблю».
И сломал я последнюю спичку –
Ничего, как-нибудь прикурю!

ПОХОРОНЫ ПОЭТА СЕРГЕЯ АНДРИЯХИНА

Разве это нормально: молодого хоронит старик?
Где же наше светлое завтра,
если мы молодых похороним?
Господи, я не ропщу, но пойми отчаянья крик,
Крик души моей, ведь скорблю я не о постороннем!

Разве это нормально, когда закрывает навеки глаза
Молодой человек, которому жить бы, да жить бы,
Который еще не успел в своей жизни о главном сказать,
Который даже еще не дожил до женитьбы!

Друзья и родные землю бросают на гроб.
Мужики опускают в могилу навек домовину.
Мать обнимает на могиле выросший горб,
Последние нежности отдавая усопшему сыну...

Черные дыры на небе меня беспокоят:
Не провалилась бы в них луна бледнолицая...

Прокуратор Пилат сегодня не в духе –
Не зря у него звенит не в том ухе.
На теле змеятся складки хитона.
Тревожно, что нет вестей от патрона.

Стучатся в каменный пол сандалии...
Нет Пилату вестей из Италии.
Патрон его – сам император Тиберий,
Гроза и надежда всей Римской империи,

Ему прокуратор отправил депешу,
Сколько преступников он перевешал.
Особо отметил он казнь Назорея –
Для него испросили распятья евреи.

Приговор был исполнен быстро и строго,
А теперь ходят слухи: распяли, мол, Бога!
Очевидцев немало его вознесенья –
В небеса воспарил без крыл, оперенья!

Стоит прокуратор и смотрит в оконце:
Давно за горами укрылось солнце.
В кровавом закате тонут созвездия.
Прокуратор Пилат боится возмездия!

Кричат за оконцем ночные птицы,
Напряжены охранников лица.
Скудельный сосуд со смертельным ядом
Отныне всегда будет с Понтием рядом!

И долетел до самых звезд,
И сам звездой стал,
И все, что в сердце своем нес –
Все звездам он отдал.

И был доволен он собой,
Пока не вспомнил он:
Обыкновенною судьбой
Он с детства наделен!

Сколько написано о Цезаре славном,
Непобедимом со своими когортами,
О его легатах, Антонии храбром,
Легионерах и полководцах.
Ни о ком не забыли, всех помянули,
Даже незнатного центуриона.
И только ни слова в хрониках старых
О Поппее прелестной, о Корнелии славной,
Которые были в любом легионе,
Ласки которых для всех были лестны
И вдохновляли солдат на победы.
Шли, невзирая на риск и беды
С солдатами вместе одною дорогой,
Гонимы из Рима жизнью убогой;
Шли от победы к победе в честь Рима,
Но слава их не нашла, прошла мимо!
Вернее, слава была, но другая:
Каждый солдат презирал их, ругая!

Уж сколько раз в любви горел, как в танке,
Уж сколько раз за преданность страдал,
Уж сколько раз любви своей останки
Команде похоронной выдавал!
И все равно в отчаянье иль сдуру
Иду на штурм заоблачных высот,
И закрываю грудью амбразуру,
И верю, что меня награда ждет!

ОСЕНЬ

Осень снова лесок раздевает,
Беззастенчива, страстна, нага!
И спешит прочь убраться стая
За чернеющие в поле стога.
День давно непохож на летний.
Занавеской туман повис.
И под ветром трепещет последний
Не целованный осенью лист.

Ангел свиданий,
Ангел разлуки,
Подайте друг другу
Согласия руки.

Ангел свиданий,
Прошу я, молю я,
Дай свидеться с тою,
Кого так люблю я!

Ангел разлуки,
Молось я заранее:
Не приходи ты
На наше свидание!

Это кто же на фотографии миленький, как ангелочек?
Штанишки выше колен,
лямочки крест-накрест через узкую грудь,
В кармашке нагрудном треугольником белый платочек,
Как парус, если на это абстрактно взглянуть.

Какой, должно быть, хорошенький,
добренький мальчик –
Родителям радость, опора на старости лет.
Стоит рядом с мамой, уткнув в подол свой пальчик.
Мама стройна, наверно носила под платьем корсет.

Стоит мальчик с мамой, красиво расставив ножки,
Головку держит так, как фотограф умелый велел.
Не знает мальчик еще, какие пред ним дорожки
Лежат впереди, в своей жизни пока ничего не успел.

С мамой стоит,
как ребенок любой, Адльфик Шилькгрубер.
Еще впереди Освенцим, блицкриг,
миллионов замученных стон,
Еще ему фамилия своя не кажется грубой,
Еще на Гитлера ее не переделал он...

МАРИЯ КЕКСГОЛЬМСКАЯ

(Поэма)

Посвящается Андрею Петровичу Дмитриеву

13 мая 1879 года в церковной метрической книге записано: «Айше, турчанка, магометанского закона, восьми лет от рождения, усыновленная общим собранием полка, посвящена святым крещением с наречением имени Мария – в честь святой Марии Магдалины. Отчество дано Константиновна – в честь крестного отца поручика Константина Коловаева».

«Красная звезда» от 18 мая 1991 г.

1

Тревожной мглой покрылись горы.
Над бивуаком ночь темна.
Ведут солдаты разговоры –
Сегодня многим не до сна.

С рассветом бой жестокий будет.
Кексгольмский полк к нему готов.
А кто сильнее: Господь рассудит
И сталь холодная штыков.

Не посрамят они Кексгольма,
Чье имя полк давно несет.
По небу темному привольно
Луна спокойная плывет.

Танджинская вокруг долина –
Живет далеко басурман,
Пока дойдешь – натрудишь спину,
Пройдешь немало разных стран.

Куда ни глянь – гора, пригорок,
Деревья странные растут,
А быт славян тяжел и горек,
Привольно турки лишь живут.

Но за славян, за всех братушек
Вступилась вновь Святая Русь,
И коль дошло уже до пушек,
То не теряйся и не трусь.

А навались-ка всей артелью!
Вперед! Наперевес штыки.
И в схватке с турками смертельной
Не отведи своей руки!

Тревожной мглой покрылись горы.
Над бивуаком⁷ ночь темна.
Ведут солдаты разговоры –
Сегодня многим не до сна!

С рассветом штурм. Приказ получен,
И будет выполнен он в срок.
В разрезе среди низких тучек
Звезда горит, как огонек.

А над костром ночная птица,
Курлыча, медленно кружит,
Как будто всматриваясь в лица
Тех, кто вокруг костра лежит;

Как будто хочет тех отметить,
Кого османа пуля ждет...
Звезда то светит, то не светит,
И медленно туман плывет.

2

Январь, а травка зеленеет,
Как будто бы весна пришла.
В долине домики темнеют –
Деревня турок Кучешма.

Спокойны дальних гор отроги,
В долине вороны кружат.
Вчера здесь бой прошел жестокий,
Убитые в земле лежат.

⁷ Бивуаком в то время назывался военный полевой лагерь временного пользования.

По христианскому обряду
На басурманской стороне –
Могилки под крестом ряд к ряду...
Что ж, на войне как на войне!

А полк ушел вперед колонной –
Там ждет кексгольмцев новый штурм,
Обоз лишь задержался конный –
Десятка три военных фур,

Да гренадерский взвод охраны,
Чтоб турок не перехватил.
И шел с обозом утром ранним
Солдат Саенко Михаил.

Дорога повернула круто
И вдаль пошла среди полей.
Сказал Саенко другу: «Крутов,
Взгляни-ка вон туда скорей!

Да нет, туда смотри, Серега!
Кажись, девчонка? Ну и вид!
Смотри, как вывернула ногу.
Замерзла, видно». —
«Пусть сидит! –

Сказал Серега. – Что за дело
Нам до турчанки молодой?
С чего б она тут заколела –
Денечек, видишь, как весной!»

«Для нас тепло, а ей прохлада.
Смотри, ее костер потух.
Помочь по-христиански надо,
Что кукарекаешь, петух!»

Саенко подошел к девчонке:
Полужива, полумертва.
Дырявый шарф на шее тонкой,
На грудь склонилась голова.

Дрожит. Совсем окоченела.
Ручонки о коленки трет.
Глядит на русского несмело:
Бойтся – вдруг ее убьет!

Взглянул в глаза ее большие,
Перевернулось все в душе –
У доченьки его такие!
Взял на руки. «Как звать?» – «Айше». –

«Не бойся, дурочка, бери же
Солдатский сытный наш сухарь!»
Прижал ее к груди поближе:
Турчанка – тоже Божья тварь.

Ну, как ее на смерть оставить?
Вины же на ребенке нет.
Решил Саенко: в полк доставить,
В полку дадут ему совет.

В боях испытанный рубака
Взволнован был до самых слез,
До полкового бивуака
Он на руках ребенка нес.

3

С утра в полку идет брожение:
Солдаты судят так и сяк
И, не стеснясь в выраженьях,
По-своему решает всяк:

«Зачем у нас в полку ребенок?
Девчонке нет еще восьми.
Не надо ей уже пеленок,
Все ж неудобно, черт возьми!» –

«Нужна ей женская забота.
Ей ласка женская нужна.
И никакая наша рота
Для девки этой не важна» –

«Подумайте, где наши дочки,
Где наши с вами сыновья?
Без нас вдали цветут цветочки,
Теперь нам полк одна семья.

Военная такая служба:
Оторваны мы от семей.
Нам дорога с ребенком дружба,
Как с милой деточкой своей.

А прокормить ее сумеем,
И приодеть, и научить,
Ведь целый полк, – не обеднеем.
Нам с нею легче будет жить».

И, оказавшись на распутье,
Чтоб наступил желанный мир,
Все ждали, как решит Панютин –
Полка храбрейший командир.

И командир сказал: «Ребята,
У нас пусть будет «сын» полка!
Прошу голосовать, солдаты!»
И поднялась его рука.

«Спасибо, братцы, как прекрасен
Поступок ваш – усыновить!»
Сказал Саенко: «Не согласен –
Усыновить – удочерить

Должны солдаты нашу деву.
Пусть дочерью она живет.
Ведь не мужик же, в самом деле,
А баба русская растет!»

4

Басят красиво барабаны,
И вторит им оркестра медь.
И молодым, и ветеранам
Приказ: парадное надеть!

Ведь для кексгольмцев день особый –
Сегодня праздник полковой:
Мария собственной персоной,
Окончив институт, домой

Вернулась. Ожидали долго
Отцы такого торжества,
И от исполненного долга
Слегка кружилась голова.

Ведь для отцов слова простые –
Забота, сострадание, честь –
Слились в единственном – Мария,
Для них все в этом слове есть:

И те копейки, что солдаты
С полочки для нее несли,
И те волнения, что когда-то
Из-за нее перенесли.

Кексгольмский полк, как на параде,
Со знаменем стоит в строю.
Три тысячи отцов так рады –
Встречают доченьку свою!

На саблях темляки тугие,
Свет золотой от эполет.
С тех пор, как дочка их Мария
В полку, прошел с десяток лет.

И вот теперь пред ними дама –
Со шлейфом платье, вся в шелку;
Полк для нее – отец и мама,
Вся жизнь заключена в полку.

Еще все впереди у дамы:
Любовь, замужество, семья.
Настанет срок, и станет мамой,
У Маши будут сыновья.

И час последний она встретит
В чахоточном глухом бреду.
Ну, а сейчас улыбкой светит
У всех кексгольмцев на виду!

ДВЕ МОЛИТВЫ

Татьяне Александровне Степановой

Две молитвы только с детства знаю
И на них всегда я уповаю:
Если горе – «Господи, спаси!»
Если счастье – «Господи, спасибо!»
Ты прочти хоть весь «Молитвослов»,
Но лишь две с особой будут силой,
Две молитвы из особых слов:
«Господи, спасибо!», «Господи, помилуй!»

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Справедливость всегда торжествует, но с опозданием.
К сожалению, другой раз и столетий бывает мало,
Чтобы построить из фактов такое здание,
В котором бы справедливость
заслуженно торжествовала.

Возьмем Михайла Богданчыча Баркляя-де-Толли –
Такой был вояка, дай Бог такому быть каждому,
Но то ли он для иных был умным слишком, то ли
Не понимал порою чего-то, может быть, важного.

В нерадении Баркляя не обвинял только ленивый.
Солдаты роптали:

от Буонапартия отступать нам доколе?
Почему французам позволяет топтать наши нивы?
Неужели для битвы не может выбрать он поле?

Очень сердчал даже сам князь Петр Иванович,
Прямой потомок грузинских царей Богратиони,
Утром ранним войскам, отдохнувшим за ночь,
Отдавал приказ к отступлению. Отощавшие кони

ТОЛЬКО ТИК, ТОЛЬКО ТАК!

Сколько зим, сколько лет,
А часы тик да так,
Будто не было бед,
Будто жизнь так проста:
Только тик, только так!

Сколько помнится мне:
Всё идут, всё стучат!
Вот мой дед на войне,
Трупы рядом лежат,
Вся деревня в огне.

А часы так да тик,
А часы всё идут:
Вот мой дед уж старик –
Внучки, внуки растут.
В доме смех, детский крик.

А часы тик да так:
Год настал роковой,
Не какой-то простак,
А сам Тридцать седьмой,
Все подмел, как метлой!

А часы тик да так...
Им, часам, всё равно –
Что наш дом, что ГУЛАГ,
Что сорняк, что зерно, –
Им понять не дано.

Только так, только тик:
Сколько зим, сколько лет!
Не вернулся старик,
Не увидел он свет:
Жил, работал, и – нет!

А часы всё стучат
Только тик, только так!

МАРИЯ СПИРИДОНОВА

Теперь фамилия ее забыта, а была Спиридонова Маша
В начале прошлого века грозой жандармов царских.
О ней молодежь говорила: это гордость наша!
Она за крестьян стояла, против владений барских.

Мария была молодой, не красивой, но симпатичной,
Среднего роста, стройной,
со строгой на голове прической,
Тонкие губы сжимала плотно –
от тюрьмы осталась привычка.
Взгляд серых глаз выдавал ее характер жесткий.

Она прошла в революции путь опасный, тернистый,
Жандармы Марию не раз пытали жестоко.
Но не сломил ее царский режим ненавистный,
Хотя Мария и отсидела в тюрьме два срока!

Она была эсеркой, и не просто эсеркой, а левой,
И хотя потрепана жизнью, крайне была наивной –
Она, например, поверила Ленину, а он ее стервой
В узком кругу называл. Дружба у них не была взаимной.

Она мечтала о совместной полезной работе
Всех революционеров на благо всего народа.
Жила Мария Спиридонова только одной заботой –
Чтобы революционная Россия крепла год от года!

Чтобы не ущемляли крестьян, дали бы им трудиться
На своем собственном поле и чтоб никаких колхозов!
Но разве большевики с этим могли смириться?
Разве может существовать жара вместе с морозом?

Этот долгий спор
в октябре сорок первого завершила пуля –
Марию чекисты силой поставили на больные колени.
С нею вместе в одной могиле навеки уснули
Многие из тех, кого знал когда-то лично Ленин!

ЧАЙНИК

Ты знала, что дарить на день рожденья, – чайник,
Такой, на литра полтора, пузатый.
Среди моей посуды был он, как начальник,
С великолепной крышкой-шляпой и носатый.

Частенько им я пользовался, бывало,
И чаю мне хватало на все сутки.
А иногда мне было даже мало –
Я пил, пока не булькало в желудке.

Я так привык к нему, как к другу старому.
Мы посвящали свой досуг вопросам разным.
Он мне пыхтел, что время трачу даром, мол.
Насчет «напрасно» спорили не раз с ним.

Он был надежный друг, мой чайник старый,
Он честным был в отличие от хозяйки,
Он кипятился, не хотел быть тарой,
Хотел мне говорить все без утайки.

Да разве я ему хоть раз поверил,
Кто он на самом деле, чтобы хаять,
Хотя он мне и приводил примеры,
Разумным быть меня хотел заставить.

Он говорил: недолговечно счастье.
Он говорил, что женщины лукавы.
Но был тогда я весь в любовной страсти,
Как я любил его хозяйку, Боже Правый!

Как я любил ее, как дорожил я
Хоть каплей малою ее ко мне вниманья!
И только для нее, любимой, жил я,
Была лишь в ней судьба и мирозданье!

Не понимал, что зреет в ней измена,
Что дорог ей совсем другой мужчина,
Пока она прикидывалась верной,
Старалась, чтоб меж нами было чинно.

ОКНО

...И все-таки окно. На пятом.

Под самой крышей, к небу поближе.
Где на оконный карниз ветер льдинки нижет.
Где голубок с голубкой воркуют с утра в лад друг другу,
За козырьком из жести пережидая зимнюю вьюгу.

И все-таки окно. Хотя за стеклом ее силуэт не виден,
Воспаленное воображение мое влечет,
как в гонке лидер.

Стою против окна, замерев.
слушая, как сердце стучится,
Из груди рвется выйти, взлететь на пятый этаж,
в ее окне очутиться.
Наивное сердце мое, да разве откроешь в нем фортку,
Законопаченную до теплой весны железной отверткой?

Заклеены плотной бумагой на стылом окне все щели,
И все же окно, где ее силуэт еле-еле
Виден в мерзлом стекле. Или только мне мнится?
И все же – окно, в которое сердце стучится!

Что, душа моя, опять тебе тоскливо,
Одиноко без любви и пусто?
Перезрели и опали твои сливы;
Как у зверя, обострились твои чувства.

Всё обиды вспоминаешь, всё обиды,
В одиночестве гуляешь ты по саду.
И напрасно: больше женщина не выйдет,
И о ней тебе мечтать уже не надо.

На тебя я посмотрю: одно расстройство.
Соберись-ка, встрепенись, быть сильной чтобы.
Возродиться вновь – душа имеет свойство.
Только нежные места на ней заштопать...

**ИЗ КНИГИ «БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ»
(ПО МОТИВАМ ПСАЛМОВ)**

2005

ПСАЛОМ 3

И ты туда же, мой сын Авессалом,
И ты в толпе моих притеснителей!
Ты прешься на меня, как в расщелину лом;
Ты страшнее других гонителей,

Ибо предал ты своего отца,
Свою кровь, вытоптал свое поле!
Не думал я, что взращу подлеца,
В старости себе же на горе!

Авессалом, мой сынок дорогой,
Не сбывшаяся моя надежда,
Грудь разрывается моя тоской –
Мы не будем с тобой, как прежде!

Разошлись дороги, разорвалась плоть,
Озлобились сердца и души;
И воззрил с небес на нас Сам Господь:
Еще не поздно, – Его послушай!

Ибо Господь справедлив, Он спасет меня,
А тебя поразит за коварство.
Знай, над телом твоим, скорбя и кляня,
Оживить чтоб, отдал бы полцарства!

ПСАЛОМ 4

Слава моя в поругании будет доколе?
Любить суету и поганую ложь – доколе?
В гневе своем грешить будем мы доколе?
Господу неблагодарны будем – доколе?

«Кто покажет нам благо? Без блага – доколе?» –
Так говорят малoverы, требуя много.
Я же всегда надеюсь только на Бога:
Он предо мною расстелет бескрайнее поле,
А в поле всегда для меня найдется дорога...,

ПСАЛОМ 6

Господи, суди меня не в гневе;
Господи, я немощен и слаб!
Но душа тебе лишь только внемлет:
Ты – Господь, а я – Твой верный раб!

Господи, иссохло от печали
Око, обветшало от врагов.
Слезы лью на ложе я ночами,
Смерти опасуюсь: я – таков!

Ибо в смерти нет памятования,
О Тебе. Во гробе все молчит,
И какие б ни были желания,
Мертвая гортань не говорит!

Ты же, Господи, скажи, доколе?
Кто ж Тебя восславит, если мне
На краю заброшенного поля
Навсегда покоиться в земле?

ПСАЛОМ 11

Праведных вокруг меня не стало,
Верных нет вокруг меня друзей;
В мое сердце ложь вонзает жало –
Лесть, коварство, подлость средь людей!

Серебром, очищенным в горниле,
Господи, слова Твои звучат:
Правду утвердишь в подлунном мире –
Лживые устами замолчат!

Ради нищих, воздыханья бедных
Сам Господь восстанет, и тогда
Всех любителей привычек вредных
Уничтожит раз и навсегда!

ПСАЛОМ 12

Псалом Давидов – начальнику хора!
Господи, суд Твой правдивый и скорый.
Возри на меня, просвети мои очи,
Чтоб не уснул я навек среди ночи
Сном смертельным гонителям в радость.
Доколе на сердце моем будет тяжесть,
Доколе на сердце будет томленье,
О невниманье Твоем сожаленье?
Доколе Ты забывать меня будешь,
Ведь верю я в то, что Ты меня любишь?
Господи, лишь на Тебя уповаю.
Взгляни на меня, видишь, я погибаю!

ПСАЛОМ 14

У кого язык, как жало,
Кто порочен и лукав –
Незавиден тот и жалок,
И всегда во всем неправ!

Тот, кто ближнему желает
Зла и горести большой,
Лишь на хитрость уповает –
С темною живет душой.

Кто на деньги крайне падок,
Загребущею рукой
Вымогает нагло взятки –
Грешник тот, да и большой!

Кто смиренный лишь для вида,
Ублажает только плоть,
Не захочет того видеть
На святой горе Господь!

ПСАЛОМ 69

Хоть я беден и нищ, о Боже,
Все равно мне желают зла,
Все равно хотят уничтожить,
Чтоб я был, как в костре зола!

Чтобы ветер меня развеял,
И дождем чтоб прибило меня.
Добиваются смерти злодеи,
Чтоб погиб на исходе дня.

Но я верю, придешь ко мне Ты,
Я прошу, приходи поскорей,
И развеешь долой все наветы,
Что вокруг меня сплел злодей.

ПСАЛОМ 70

Буду славить Тебя на «Псалтыри»,
Воспевать Тебя буду на гусях,
Ты единственный Бог во всем мире,
Без тебя в моем сердце пусто.

Для многих я был как бы дивом,
Только Ты во мне правду приметил.
Оттого я такой счастливый,
Что живу на Твоем я свете.

Сотворил Ты и звезды, и небо.
Боже мой, кто Тебе подобен?!
Преломлю Твой кусок я хлеба –
Он желаньем Твоим съедобен.

Посылал на меня напасти,
Но опять оживлял надеждой.
В том и жизнь, что Ты дал, прекрасна,
Что мы в ней то суровы, то нежны.

Не оставь меня в старости, Боже,
Возлюби меня и в сединах;
Пусть умру я спокойно на ложе
Смертью праведною, невинной...

ПСАЛОМ 72

Видя благоденствие нечестивых, я позавидовал им,
Ибо они не нуждаются, живут в довольстве по гроб.
А я существую в хижине, питаюсь хлебом одним,
Работаю, не разгибаясь, так, что вырастил горб.

Оттого и гордость у них, что шикарно они живут.
От жира глаза заплыли, с бедняком говорят свысока.
От яств дорогих изобильных еле носят живот.
Никакой работы не делает праздная их рука.

Так не напрасно ль трудился я со своею душою –
Всякий свой поступок обличению я подвергал;
И за каждый проступок, малый или большой,
Себя, как строгий судья, грубым словом ругал?

Никак не мог понять, пока не вошел в Твой дом –
Ты в преисподней для них приготовил ад!
На этом свете праведник подчас нелегко живет,
Но за страданья свои в рай угодить он рад.

ПСАЛОМ 73

Неужели отринул Ты нас навсегда,
Гнев Твой будет гореть доколе?
Ошибке нашей – года и года...
Заросло наше хлебное поле,

И красу всей земли – твой высокий Сион,
Все разрушил враг во святилище,
Будто поле со злаком вытоптал слон
Или другое страшилище.

Ты, который когда-то море рассек
И провел свой народ, как по суше,
Что же, будешь гневен на нас целый век
И наши молитвы не слушать?

Подвигни, Боже, стопы Свои,
Дай силе Твоей удивиться,
От врагов очисти пределы земли.
Тебе будем, Боже, молиться.

ПСАЛОМ 74

Колелблетя земля и все живущее на ней –
Сам Господь творит правдивый суд.
Не скроется за лествю ни один злодей,
Только если ноги унесут!
Разбегаются мздоимцы кто куда,
В спешке побросав свои дворцы.
Наконец-то, для хапуг пришла беда,
Не спасут их деды и отцы.
Наконец-то, праведный вздохнет,
Нечестивый испытает страх.
Неужели это все придет
И насилие потерпит крах?
Боже, верим в чудеса Твои.
Ты сказал: «По правде будет суд!»
Защитишь достойнейших любви,
Только ведь опять Тебе налгут!

ПСАЛОМ 79

Воздвигни силу Твою, о Боже,
Приди, Всемогущий, нас спасти.
Враги свои силы все время множат;
Их притязания укороти!

Боже, доколе Ты будешь гневно
За наши ошибки нас укорять?
Пропитан слезами хлеб ежедневно,
Тебя устали мы умолять.

Была когда-то для нас награда
Виноградная спелая плоть –
Ты из Египта лозу винограда
Перенес в Иудею, господь.

Теперь все заборы Ты разрушил
И плоды пожирает зверь.
Над спелой ягодой птица кружит.
Тяжко видеть нам это, поверь.

Боже Правый, возри и помилуй,
Посети Ты свой виноград,
Тогда у нас появятся силы,
Весь народ будет этому рад!

ПСАЛОМ 81

Всевышний встал в сонме богов и произвел суд.
Он им сказал: «Боги и сыны Всевышнего все вы,
Но не содержите в чистоте правды сосуд!
Все умрете, как человеки! – произнес в гневе, –
Неправедного от суда отводить будете вы доколе?
Оказывать лицепрятие нечестивым будете вы доколе?
Бедным и угнетенным несправедливость творить будете вы
доколе?»

Так судил Всевышний землю свою, достойную лучшей
доли...

ПСАЛОМ 82

Над землею раздается
Снова звон мечей:
Это конница несется,
Пыль столбом над ней!

Из Эдома и Моава
Кони врагов мчат;
Из Асура – тоже лава,
Мчит за рядом ряд!

Боже наш, к Тебе взываем,
Не перемолчи!
Сеча ждет нас непростая.
Есть у нас мечи,

Есть у нас свои герои,
И броня крепка;
Силу их в бою утроит
Господа рука!

Ты смети песчаной бурей,
Молнией ударь;
За тобой победа будет,

Как бывало встарь.
Мы – народ Твой, Боже Правый,
От врагов избавь
И во время сечи бранной
Ты нас не оставь!

ПСАЛОМ 89

Боже, Ты создал всю Вселенную: землю, звезды и небеса.
Все народы знают Твою доброту и верят в Твои чудеса.
Ты превращаешь в тление, возвращаешь нас снова в персть,
А у нас есть большое желание на земле Твоей вечно цвести.
Научи нас так считать дни свои, чтобы мудрость в сердце была,
Чтобы руки делали честные и справедливые только дела,
Чтобы зря мы не тратили время на ненужные пустяки,
Чтобы немощью зря не страдали наши дети и старики.
А пока годы жизни недолгой мы теряем быстро, как звук,
Да и то половина проходит среди горестей разных и мук.
Доколе? О Боже Спаситель, умилосердись, твои мы рабы!
Сделай так, чтобы срок наш короткий на земле Твоей с пользой
прожить.

ПСАЛОМ 93

Яви Себя, Господь отмщений,
Воздай всем людям по делам,
Подвигни всех на очищенье;
Кто гонит правду – знаешь Сам!
Доколе будет нечестивый
Торжествовать и богатеть,
А человек, во всем правдивый,
О доле нищенской жалеть?
Им говорят, что Бог далеко
И не узнает никогда;
И притесняют их жестоко,
И нет защиты от суда!
О, Вразумляющий народы,
Ты знаешь, как они живут.
Преодолевая все невзгоды,
Твоей защиты они ждут.
Ты – их последняя надежда.
Ты – правды и добра оплот.
Приди! Познают пусть невежды,
Что Божий суд давно их ждет!

ПСАЛОМ 97

Воспойте Господу новую песню,
Ибо Он сотворил чудеса:
Создал землю и дал ей место,
Создал солнце и небеса.

Явил Господь Свое спасенье,
Открыл народам Правду Свою.
Играйте на гусях все вдохновенно,
И я для Господа песню спою.

Да торжествуют горы и реки!
Да средь зимы цветы расцветут!
Да возликуют все человеки!
Господь начинает Свой Праведный Суд!

ПСАЛОМ 100

Милость и суд буду петь я, Давид.
Суд Господень нечестивцев срзлит.
О путях непорочности мне размышлять,
О грехах почаше своих вспоминать:
Дело преступное ко мне не прилепится,
Ибо знаю я, что это – нелепица.

Ложь ненавижу, зло и разврат –
Все это враз уничтожить я рад.
Гнать нечестивцев из града Господня:
Мздоимцев, бандитов, жуликов, сведен.
Все это в жизни не раз еще встретится,
Но дело преступное ко мне не прилепится!

ПСАЛОМ 102

Душа моя, Господа благослови,
Чтоб мог я высказать слова любви!
Как неба гладь над землей высока,
Так милость Господа к нам велика.

Он к нам терпелив, как родной отец.
От Господа молодость наших сердец.
От Господа правда и праведный суд.
От Господа Ангелы дни нам несут.

Милость Господа из века в век,
Ибо Он знает: слаб человек!
Ибо Он знает: состав его – персть,
Но живы пока – должны мы цвести!

Жизнь человека, как трава:
Пока зеленеет – она жива.
Пойдет над ним смерть с острой косой,
И он успокоится в тверди земной.

А милости Божьей нет конца,
Как нет конца у любого кольца.
Душа моя, Господа благослови,
Чтоб мог я высказать слова любви.

ПСАЛОМ 106

Это было давно, это было не ныне:
Заблудившись, люди брели по пустыне;
Голод, жажду, усталость они терпели.
Им песком засыпали глаза метели.

В панике страшной были все люди,
Каждый боялся: что же с ним будет?
И вспомнили Бога в скорби глубокой,
Но тут же подумали: до Бога далеко!

Но все же молились, но все же молились!
И вдруг пески пред людьми расступились!
Путь прямой перед ними открылся –
Божьей воле песок покорился!

Другие люди в своем жилище
Страдали, уже отвратились от пищи,
Но к Богу воззвали, в надежде, что Боже
Скорбящим, болезным охотно поможет.

И Бог помогает. И Бог помогает!
Господь все наши молитвы знает.
Если по правде ты в мире живешь,
У Бога всегда себе помощь найдешь!

ПСАЛОМ 111

Не бойся ты молвы худой,
На Бога уповая;
Восходит свет из тьмы ночной,
Зарницами играя.

Богатством нищим помоги
По заповедям Божьим;
Живи, и правду береги
От злых людей ничтожных.

Пусть нечестивец втихаря
Завидовать вам станет,
И, подлой завистью горя,
Душа его истает.

ПСАЛОМ 114

Объяли меня болезни и смерть,
Постигли муки меня;
Душа готова была улететь,
Но к Богу взмолился я!

О Боже Всесильный, меня, раба,
Помилуй и жизнь сохрани.
В Твоих руках вся моя судьба,
Продли, Господь, мои дни.

Милости Бога предела нет,
Он милосерден, но строг:
Живым и здоровым я встретил рассвет.
Услышал молитву Бог!

ПСАЛОМ 115

Дорога в очах Господних смерть святых Его!
За Его благодеянья что Ему воздам?
Ведь, по сути, кроме сердца, нету ничего.
Но берет меня сомненье: что я значу сам?

Я – та гибкая лозинка или острый нож?
Правда тает, словно льдинка, остается ложь!
Господи, к Тебе взываю: вразуми, направь!
На Тебя я уповаю, ото лжи избавь!

ПСАЛОМ 118

Блаженны непорочные в пути:
В Законе Божьем счастливо живется,
А если что не так, то Бог простит –
Их праведность всегда для них зачтется.

Господь, я только странник на земле,
Не скрой Ты от меня своих Заветов,
Не потакай в плохих желаньях мне,
Останови, наказывай при этом.

Я прилепился, Господи, к Тебе;
Не постыди меня, Великий Боже,
Ведь Ты в моей коротенькой судьбе –
Единственное счастье, быть может!

Поставь меня на верную стезю,
Наставь и вразуми своим советом.
Я не одну счастливую слезу
Пролью, читая Господа Заветы.

В них все заключено: и жизнь, и смерть,
И счастье человека, и надежда;
Их только надо выполнить суметь,
И Господа любить любовью нежной.

Я б заблудился в жизни, как овца.
Потерянная ночью ненароком,
Если б Господь не заменил отца,
Не наставлял меня священным оком.

ПСАЛОМ 119

Устал я сам от лживых уст,
От языка лукавого –
Кто изворотлив – душой пуст;
Во лжи нет спора правого.
Я долго жил там, где обман,
У шатров Кидарских;
У Мосоха, где лживый стан,
Где нет гарантий царских.
О мире только скажешь им –
Они к войне готовятся.
Как с правдой подступить к таким,
Где правда кривдой ловится?
Я в скорби к Господу воззвал,
И он меня услышал!

ПСАЛОМ 124

Горы – окрест Иерусалима,
А Господь – окрест народа.
В Господе – народа сила,
Крепнет она год от года.
Господи, благотвори
Людям добрым, людем правым;
Дай побольше им любви,
Одари земною славой.
Тех, кто по земле идет
Хитроумными путями,
Твоя кара пусть найдет –
Нечестивые не с нами!

ПСАЛОМ 126

Уповайте на Бога, мужи трудовые и девы,
Он содержит дома, охранит города, подарит покой.
Вот наследие Господа – дети: награда его – плод чрева;
Блажен человек, наполнивший ими колчан боевой, –
Что стрелы в бою, то в жизни отца сыновья молодые.
Они пашню вспашут, засеют ее, осенью хлеб уберут.
Вот песнь восхожденья: слова Соломона простые,
Славя Всевышнего, из самого сердца идут.

Блажен человек, возлюбивший все, что от Бога,
Радением Господа нашего он окрылен.
Блажен человек, у которого сыновей взрослых много:
Когда враг нагрянет, он будет тверд и силен.

ПСАЛОМ 127

Блажен всякий, кто Божьими ходит путями,
Кто хлеб насущный в труде добывает сам,
Кто Господа славит чистыми только устами
И никогда не поверит богохульным словам.

Его жена, как лоза, гибка, плодовита.
Его сыновья крепки, как ветки маслин.
Под старость из внуков будет целая свита,
В трудный час не окажется он один...

ПСАЛОМ 132

Как хорошо жить братьям вместе,
Ведь вместе жить всегда смелей.
Господь велел всем жить по чести
И дружбой дорожить своей.

А утром на горе Сионской
Росинки, словно жемчуга:
Для братьев там росы Ермонской
Посеет Господа рука...

ПСАЛОМ 138

Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня.
С Тобою, Господи, вместе мы – до заката дня.
Мои все пути известны Тебе и мысли известны Тебе,
Загадок нет для Тебя никаких в моей человеческой судьбе.

Еще и слово не вымолвлю я, а ты уже знаешь о нем!
Меня удивляет веденье Твое; и ночью оно, и днем.
Куда пойду от лица Твоего, куда же я убегу?
Куда б ни шел, всегда окажусь я на Твоем берегу!

Пойду ли на небо – там Ты сидишь; в преисподнюю – и Ты
уже там.

Когда я в утробе матери был, Ты тельце мое ткал Сам!
Тебя за то прославляю я, что дивно устроен Тобой:
Во мне есть добро и сила есть, Готов за Тебя на бой!
Твои враги – мои враги, нечестивых я поражу.
Господь, прошу, испытай меня. Вот что Тебе скажу:
«Ты зри за мной, не сбился бы я с пути, ведь слаб человек.
Сделай так, чтоб праведным был путь мой на весь мой век!»

ПСАЛОМ 143

Господи, что есть человек,
что Ты знаешь о нем, что обращаешь на него внимание?
Только жить научился, только втиснулся в мир, а время уже
расставания!
Как тень уклоняющаяся дни его, он подобен лишь дуновению.
Господи, отчего же человека жизнь равна одному мгновению?
Господи, приклони небеса Твои,
сойди с них, гор коснись и они вздыбятся;
С высоты Твоей, Господи, далеко вокруг Тебе видится.
Ты остановил врагов моих, их десницы ложью пропитаны.
Наши сыны да будут крепки, как дубы, дочки в любви воспитаны.
Житницы наши да будут хлебом полны и не будет у нас
расхищенья.
Боже, новую песнь Тебе воспую, выражая свое восхищенье!

ПСАЛОМ 149

Пропоем мы Господу новую песню –
Нет этой песни на свете чудесней,
Ибо Господь о нас помнит и любит,
Каждого сирого он приголубит.
Господь прославляет смиренных спасеньем,
Чтоб мы, как листок опавший осенний,
Среди кочек, колочек, прели и гнили
Новую жизнь весной возродили.
Да торжествуют святые во славе
На ложах своих в небесной дубраве!
Да будет меч в их дланях остер,
И суд над злодеями верен и скор!
Справедливости меч благодарно целуя,
Мы всем святым пропоем – «Аллилуйя!»

ИЗ КНИГИ «НА ИЗЛУЧИНЕ»

2005

Пишу коротко,
Как эта весенняя капля,
Как этот лучик солнечный,
Пробившийся в щель,
Как взгляд глаз твоих,
Молодых и прекрасных.

Я не сочиняю,
Я просто записываю то, что чувствую.
Иногда чувства заносят меня
Далеко-далеко, где не ступала еще нога человека;
Поневоле становлюсь Робинзоном
И начинаю обустраивать местность,
На которой расцветают верлибры...

Разные бывают стихи:
Иные яркие, как фантики от конфет.
Другие – корявые,
Как сучья яблони,
Увешанные зрелыми плодами...

Поэзия –
Линза,
Собирающая свет
В одну ослепительную точку...

ПРИЧАСТИЕ

Причастие
Потому и страдательное,
Что причастно!

ЕСЛИ СОЕДИНИТЬ

Утро такое прекрасное,
Такое многообещающее,
Как отрывок поэмы.
Луг весь в васильках,
Весь в анютиных глазках
Такой прекрасный,
Такой многообещающий,
Как отрывок поэмы.

Женщина,
Легким шагом идущая по лугу,
Улыбкой приветствуя утро,
Так прекрасна,
Так многообещающа,
Как отрывок поэмы.

И подумалось:
Какая должна получиться
Прекрасная поэма,
Если соединить
Все отрывки вместе...

Лежу на лужайке.
Обнимаюсь с травой.
Ромашки дают мне пощечины...

Когда я не знал тебя,
Некому было пропеть мои радости.
Теперь знаю тебя,
Но петь не могу:
Ты, как солнце,
Светишь всем одинаково...

СОН

Сон, пощекотав пятки,
Пробежал по ногам,
Перескочил на живот,
Погладил грудь,
Дохнул в лицо
И притих.

«Что бы это значило?» –
Подумал мужчина, просыпаясь.
Он поглядел вокруг:
Вся местность была пустынна,
Но приятно пахло
Женскими духами...

АНАЛОГИИ

Не хочу никаких аналогий!
Только начни,
Неизвестно дойдешь до чего –
Тогда вдруг окажется,
Что этот последний ноябрьский листок
На уже приготовившемся к зимней спячке дереве,
Совсем не листок, а я:
Бурей осенней потрепан,
Холодными измочен дождями,
Ожидающий в тревоге
Когда стукнет крепкий мороз.

Про измену князя Курбского Ивану Грозному
Он знал;
Про измену маршала Мормона Наполеону
Он знал;
Про измену своей собственной жены
С Ванькой Косым
Он так и не узнал,
Радуюсь тому, как уважительно
Ванька здоровался с ним при каждой встрече...

ЖДЕШЬ ЛУЧШЕГО

Ждешь, ждешь лучшей жизни,
Большой зарплаты,
Беззаветной любви,
А дождешься – что делаешь?
Опять ждешь
Еще лучшей жизни,
Зарплату еще большую,
Любви еще беззаветнее...

Одно воспоминание
Щекотало меня –
Я долго смеялся,
Не мог заснуть.

Другое воспоминание
Кололо меня будто иголками –
Я долго плакал от боли,
Не мог заснуть.

Когда пришло
Еще одно воспоминание,
Я вышел из себя
И запер дверь на замок.

Хмурое небо.
Не от того ли,
Что его штопали,
Положив массу заплат
В виде тучек?

Хмурый день.
Не от того ли,
Что ты снова
Не пришла на свидание
И даже не позвонила?

Хмурый вечер.
Не от того ли,
Что я снова пью
В одиночестве чай,
А впереди ночь
Как черный квадрат Малевича –
Бессмысленный черный квадрат...

АРИФМЕТИКА

Миллиметры радости.
Сантиметры удовлетворенности.
И целые метры
Несбывшихся мечтаний...

ТРАВА

Мне нравится твое умение внимательно слушать,
Склоняя голову в знак согласия
Или гордо поднимая ее ввысь.
Мне нравится, что никакая сила
Тебя не согнет,
Ты всегда распрямишься
И снова весело закиваешь, приветствуя своих соседей,
Трава на моем лугу...

Прогресс, обгоняющий время...
Все обгоняем, обгоняем;
Со временем скорость обгона станет настолько чудовищной,
Что по законам аэродинамики
Перед нами возникнет воздушная пробка
Такой критической плотности,
Что произойдет взрыв;
Разнесутся наши конечности,
Из которых возникнут новые планеты...
Как сделать,
Чтоб моя планета
Была рядом с твоей?

Глас вопиющего в пустыне
И все пространство над ним
И вокруг него –
Это и есть та страна,
Которая называется – «Гласность».

А МЫ-ТО ДУМАЛИ...

Небо – всего лишь убежище облаков,
А мы-то думали...
Звезды –
Всего лишь окаменевшие создания Господа,
А мы-то думали...
Женщина –
Всего лишь человек,
А мы-то думали...

БУДЬ ПРОСТ

Не будь круглее круга,
Квадратней квадрата
Угловатей угла,
Будь прост,
Как прямая линия,
Соединяющая
Две точки.

ЧТО НАДО?

Разве мы
В женщине женщину ищем?
Мы ищем себя.

Разве мы,
Поднимаясь на скалы,
Приключений ищем?
Мы ищем себя.

Разве мы, в небо взлетая,
Небо ищем?
Мы ищем себя!

Находим, теряем, и снова находим...

Колодец детства
Полон воды,
Поскольку ты давно
Из него не черпал,
Поскольку у тебя
Есть водопровод
С горячей и холодной водой.
Но однажды,
Когда испортится водопровод,
Вспомни о колодце детства,
Опусти свое ведро поглубже,
Зачерпни с самого дна
Той детской доверчивости
И надежды,
О которой ты давно позабыл...

Дождинки,
Словно мотыльки,
Летят на свет фонарей,
Разбиваясь о стекло ламп.
Ночь, как черный кофе,
Разлита по чашам луж...

Река нашей любви
Была полноводной.
Уровень воды
Поддерживали шлюзы,
Мы плавали на лодке:
Я греб тяжелыми веслами,
Ты кормчим была и рулила.
Беспечны мы были,
Не понимали,
Что уровень воды
Зависит только от шлюзов –
Нам бы содержать их в хорошем состоянии,
Вовремя ремонтировать,
А мы только катались.
Шлюзы прорвало,
Вода спала,
Наша лодка теперь –
На мели...

Женщина ушла,
Отставив на его сердце
Наскальные росписи.
Убрать можно только зубилом...

ВЕЧЕРОМ

Бродить вечером по берегу,
Смотреть,
Как месяц
Заигрывает с ладожской волной...

КТО Я?

Кто я, грузчик, загружающий себя едою и напитками?
Носитель сердца, печени, селезёнки,
Великолепно устроенного пищеварительного тракта?
«Нет, – сказала жена, – ты сокол мой,
Только без крыльев. Так спокойнее –
Не улетишь!»

Глаза твои как весна.
Улыбка твоя как лето.
Слова твои как осень,
Бывают и как зима.
И никак не пойму,
Какое ты время года...

СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ

Годы учат снисходительности
К себе.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Долго ласкал линию жизни на ладони,
Умасливал ее кремом,
Питал витамином,
Уложил спать
В надежде на то,
Что она, как люди,
Растет во сне.
Утром посмотрел:
Какою была,
Такой и осталась –
Короткая и корявая.

Была звездой на небе,
Мечтал о ней,
Представлял,
Как озариться вместе с ней
Дивным светом.
Изловчился,
Достал с неба –
Оказалась
Обыкновенным камнем...

Выглянул в окно.
Тополь приветливо кивнул макушкой.
Понимаю, что это не мне, а ветру,
Но все равно приятно...

ОПЕРАЦИЯ

Руки хирурга в перчатках
Кажутся головами двух удавов,
Они уставились на меня, не мигая.
Медсестры
Взирали на меня,
Отощавшего от их милосердия,
С таким видом,
Как будто уже прикидывали,
Как я буду выглядеть на том свете.
Одна из них,
Добрые глаза которой
Никак не подходили
К данной местности,
Холодными пальцами
Подсчитывала мой пульс.
Ее губы дрожали,
Как листья на ветру.
Сквозь наступающую дрему,
Я едва различал ее лицо.
Наконец, все слилось
В нечто единое:
Губоглаз, – догадался я, – или глазогуб!
Это губоглазастое
Быстро летело по небу,
Смешно шлепая по воздуху крыльями.
Крылья мешали мне удобно лежать,
Это сердило меня, но приходилось терпеть,
Так как я летел на глазогубе
Совершенно бесплатно.
Вскоре я оказался на большом облаке.
Ко мне сразу же подскочили двое – белый и черный.

Они долго спорили, так как я был им нужен обоим.
Наконец, решили поделить поровну:
Черный оторвал мою левую руку,
Белый моментально оторвал другую.
Так же поступили и с ногами.
Белый забрал мое сердце,
Черный – почки.
С остервенением отрывали они
Куски моего тела.
Когда черный вцепился в мой желудок,
Я очнулся.
Постепенно вырисовываясь,
Передо мной появилось лицо медсестры,
Ее холодные пальцы
Считали мой пульс.
Она подмигнула мне весело.
Теперь будешь жить, – догадался я по ее губам.
И снова заснул
Глубоким спокойным сном...

ТАК ХОЧЕТСЯ!

Понимаю,
Что состою из частиц,
Из каких-то там ген,
Молекул и прочих премудростей,
Но так хочется пива,
Как будто я – бочка
И без влаги рассохнусь!

Даже вечность
Не может обойтись без мгновения...

ПАРАНГОН

Парангон –
Бриллиант,
Драгоценный камень,
Жемчуг без изъянов!

Когда узнал
Что называется парангоном,
Я сразу же вспомнил
О тебе,
О твоей улыбке,
О твоих глазах,
О твоём проникновенном голосе,
О твоей гибкой,
Высокой, стройной,
Длинноногой фигуре,
И понял:
Мой парангон
Зовётся Катей...

В капле росы
Отражается небо;
Взобрался на него жучок,
Наслаждаясь полетом...

Месть – это кровь,
В лучшем случае фонари под глазами
И выбитые зубы. Чьи?
Хорошо, не мои, а если?
И тогда я выдумал тебя,
Моя забывчивость...

ПРИНЦИПЫ

Самый принципиальный
Из всех принципов –
Никаких принципов!

Я принес тебе на ладонях
Любовь свою,
Думал:
Ты возьмешь ее,
Как лошадь кусок хлеба,
Ласковым прикосновением,
Но ты схватила ее
Жадно, как собака,
Едва не оторвав
Вместе с моими ладонями...

А МЫ ГОВОРИМ

Господь помешает ложечкой океан,
А мы говорим:
– Цунами!

Когда лепестки свои
Он расправит навстречу солнцу,
Когда пчела поцелует его
В самое сердечко,
Когда он приветливо кивнет тебе
Своей головой,
Неужели ты сможешь сказать цветку,
Что он тебе не нравится?

Брюки долго искали две ноги.
Пиджак долго искал две руки и плечи.
Наконец, они нашли,
И все вместе пошли
В пивной бар за углом
Набраться утренней свежести...

Ты видела того чудака,
Который объяснялся в любви ласточке?
Ты видела, как ласточка
Без интереса слушала его?
Ты слышала, как она сказала ему:
«Чик-чирик!» – и улетела?
Неужели ты не догадалась,
Что эта ласточка
Напомнила мне тебя?

День пришел и ушел.
Ночь пришла и ушла.
Утро пришло и ушло.
И снова пришел день,
А он все размышляет:
Временно отступить, как Кутузов,
Пойти в штыки, как Суворов,
Или утопить свои корабли, как Нахимов,
Чтобы она не вырвалась
Из его гавани
Под названием – «Любовь...»

Осторожно пробраться
По обрывам и кручам памяти,
Заглянуть в пещеры,
Где в первобытных условиях
Обитает мозг,
Постучаться в сердце
И, не достучавшись,
Возвратиться туда,
Откуда пришел –
На кухню,
Где деловито бегают тараканы,
А хмурая женщина
Помешивает в кастрюле какое-то варево...

На своей войне ты – герой,
Особенно после третьей рюмки,
Когда – в психическую атаку.

На её войне – трус:
Её война женская, партизанская,
Из засады, из-за угла;
Никогда не знаешь:
То ли ожидать огонь на поражение,
Или опять кончится поцелуем...

Сколько переваренных объятий!
Сколько переваренных поцелуев!
Сколько переваренных клятв!
А сколько не переваренных?
Не потому ли
Бурчит в желудке?

Вешал белье на балконе.
На пальце моем
Заблестела алмазом звезда.
Крупный алмаз!
Как назову?
«Орлов» уже был.
«Шах» уже был.
Назову я его – «Надеждой...»

Растопить твои ледники?
Растопил бы,
Да боюсь –
Начнется такое половодье,
А лодка моя постарела, разохлась,
Не выдержит бурного потока...

А земля прекрасна,
А если бы не была прекрасна,
То все равно была бы прекрасна,
Ибо где же нам взять другую?

ВЕТЕР РЕВНОСТИ

Ветер ревности
Разнес его пепел
По белому свету...

Сейчас на том месте
Только обгоревший пенъ
Некогда цветущего дуба.

Тишина.
Ладога качает луну,
Как мама,
Любимого ребеночка...
Наши тени рядом.
Чувствую
Невысказанность слов.
Вижу,
Как по твоей слезинке
Скатилась
Еще одна звезда...

ТРАВКА

Весна.
Лужайка.
Первый раз босиком.
Не могу сдержать смех:
Травка
Щекочет мне пятки!

Как относится огонь к темноте,
Как относится звезда к небесам,
Как относится волна к маяку,
Как относится звук к тишине –
Понимаю, лишь оценивая
Поступки твои.

ЛИСТЬЯ

Кружат осенние листья...
Один из них
Золотым орденом
Лег на мою грудь...
Спасибо!

ПОДМЕЧЕНО

Плачет снежинка,
Расставаясь с зимой...

Одиночество –
Один из способов выслушать себя.

Строгал, пилил,
Заколачивал гвозди,
Пел песенки...
Только позже понял,
Что не строгал, не пилил,
Не заколачивал гвозди,
Не пел песенки,
А старел...

ТУРИСТЫ

Туристы –
Те же «челноки»,
Только вместо товара
Возят свои любопытные лица...

БОРЬБА

Я – как то деревце,
Которое пустило корни
На крыше дома:
Все видно сверху,
Только любуйся,
Но ему не до этого:
Все силы уходят на то,
Чтобы удержаться
В той скудной горстке земли,
Которая запала в расщелину.

КОРЕНЬ ЗЛА

Во всем виноват корень зла.
Вырви его, и зло кончится раз и навсегда!
Вырвать его не трудно,
Трудно узнать его
Среди множества других корней,
Ведь с виду он такой же, как все...

ШЛЯПА

Она носила шляпу.
Он носил шляпу.
У нее кудри вились, как прежде.
У него образовалась лысина.

Должно быть,
Он надел не ту шляпу!

УТРО

Солнечный луч ощупал крыши домов.
Домашние утки нашли большую лужу.
Ниткой инверсии самолет штопает небо.
На дороге запел песню первый грузовик...

Господи!
Как я лелеял свою болезнь,
Не жалел для нее последней копейки!
Но разве она сказала мне спасибо?
Обычная женская неблагодарность...

СУДЬБА

«Понавешали на мою голову!» –
Возмущается гвоздь...
А куда ему деться – судьба!

ВРЕМЯ

Время –
Самый большой притворщик;
Оно вечно притворяется
То стоптанным башмаком,
То потрепанным костюмом,
То седыми волосами,
То морщинами на лице,
То старческой немощью...
Кем же оно притворится завтра?

КВАРТИРА

Опущенные руки пальто.
Удавы шарфов на вешалке.
В углу – распятые швабры...

КАК ПОДУМАЕШЬ

...Как подумаешь вдруг:
«Ах, если бы!» –
И жизнь приобретает
Совсем иной смысл...

Этот день без труда –
Не день;
Этот вечер без поцелуя –
Не вечер;
Эта ночь без тебя –
Не ночь...

Только пуля
Знает самый короткий путь...

ЕСЛИ СКАЖЕШЬ

Если ты скажешь: уйди!
Я уйду
Тихо и незаметно,
Как уходит волна,
Растворяясь вдали.
Если ты скажешь: уйди!
Я уйду,
Как уходит волна,
Выбросив на берег
Остатки погибших кораблей.

Какая ты женщина –
Написано паутиной
На потолке твоей комнаты...

Как ты похожа
На Венеру Милосскую:
Такие же прекрасные груди,
Такой же стан.
Вот только бы еще
Отбить тебе обе руки...

Как слепит
Ставней придавленный луч!

НЕПРИМИРИМОСТЬ

Если все правды
Собрать в одну банку –
Сожрут друг друга,
Как пауки.

ПОЛЕТ ПТИЦ

Елене Викторовне

Точка, точка и снова точка...
Они движутся,
Создавая в небе многоугольники,
Ломаные линии,
Окружности
И другие фигуры.
Идет урок геометрии.

Хотел написать стихотворение
О любви,
О счастье,
И посвятить его девушке,
Романтичной,
Наивной...

Но выхожу на улицу
И вижу котенка,
Выскочившего из-под колеса машины:
Из лопнувшего живота
Тянутся кишки.
Котенок кричит
Свой последний привет
Уходящему миру.

Смотрю на него,
Забыв о стихотворении!

ПРИВЫЧКА

Распятое тело тополя
На кресте окна –
И к этому
Тоже привык!

КТО МОЖЕТ

Кто может
Сказать о весне больше,
Чем эта капля,
Впервые упавшая с крыши?

Звезды желтеют,
Как таблетки от бессонницы,
Рассыпанные луной...

МЫ

Свет и тень,
А посередине –
Мы!

От сердца к сердцу,
От сердца к сердцу,
От сердца – к сердцу!
Тогда – человечество.
От желудка к желудку –
Стадо!

Опять выхожу на дорогу: вдоль нее коровьи блины,
Словно маслом намазаны, рососою слегка искрятся.
На осине притихшей за широкой канавой
Вместо птичек веселых банки висят от консервов:
Успели здесь до меня побывать туристы, однако!
С утра сварливая Ладога
 бьет наотмашь в морду свой берег;
А он, бедняга, все терпит, куда же ему деваться,
Ведь столько песка не утащишь с собой,
 если бежать захочешь,
А еще эти камни, доверчивые такие,
Как же их можно оставить! Да и березка эта...
Стоит она на песчанике, вокруг веселая травка,
Стройная и пушистая, доверчивая тоже...

Ты воздухом была:
Я не заметил;
Ты стала бурей –
И заметил я!

Человек проснулся,
Долго думал о чем-то
И снова уснул,
А ему казалось,
Что он проснулся,
Вышел на балкон,
Чтоб сделать утреннюю зарядку.

Сияло солнышко.
На соседнем балконе
Приветливо улыбалась соседка.

Она кормила голубей:
Нахальные птицы
Вились вокруг нее
И клевали зерна
Из рук.

Когда человек
Вышел на балкон,
Голуби уставились на него
Пронзительными,
Подозрительными глазами.

Только улыбка соседки
Давала человеку уверенность
В своей значительности.

Вдруг соседка,
Словно голубка,
Подлетела к нему
И поцеловала в губы.

«Странно! – подумал человек, –
Как легко женщины
Превращаются в голубок!
А почему бы и нет,
Ведь превращаются же они в тещ!»

Соседка летала вокруг него
И что-то мило щебетала
На чистом голубином языке,
Но человек, в общем-то,
Хорошо понимал,
О чем она так мило щебечет.

Изловчившись,
Он поймал соседку
И начал целовать,

Одновременно строя
Вполне конкретные планы.

«Мяу!» – вдруг не своим голосом
Завопила соседка,
Оцарапав его лицо.

Человек свалился с балкона,
Долго кричал петухом.
Когда проснулся –
В руках у него
Была кошка...

Достойная семья:
Он и она.
Оба – ветераны
Собственной войны,
Которая идет
С переменным успехом
Всю жизнь.

ЛОЖЬ – ПРАВДА

Ибо сказано:
«Ложь –
Это правда,
Но уличенная в грехе!»

Ты – как роза,
Которая радуется красотой,
Но ранит колючками;
Ты – как август,
Когда дни солнечны,
А ночи холодны...

МИГ

Люблю миг.
Я в нем –
Бессмертен.

От поцелуев лужи с сапогом
Рождаются
Только брызги...

Грудь Ладоги
Вся в звездах,
Как в орденах.
Тоже ветеран
Великой Отечественной войны.

ПОЭЗИЯ

Вспышка
От короткого замыкания
Сердца с прекрасным.

ПИСАЛ О МЕЧТЕ

Сколько раз целовал тебя, о себе не помня;
Сколько раз обнимал твое нежное тело –
Узнать не сложно,
Если взять те листы бумаги, на которых писал
О своей мечте...

МЫСЛИ

Мысли катались в голове,
Как бильярдные шары,
Стукаясь друг о друга,
Никак не попадая в нужную лузу.
Наконец, один шар
Все-таки попал в лузу.
К сожалению,
Сетка оказалась без дна...

ПОХОЖИЕ

Ощупал во тьме
Твое лицо
И удивился:
Как оно похоже на мое!

Наклонилась она над розой –
И стала, словно алая роза,
Наклонилась она над травой –
И стала она травой,
Наклонилась она над землею –
И стала она землею.

БУДЬ ОСМОТРИТЕЛЬНЫМ

Обнимая чужую жену,
Будь осторожен,
Не оставляй
Отпечатков пальцев.
Вдруг ее муж
Окажется ментом?

ЦВЕТЫ

Иван-да-марья
Стоят веселые,
Лепестки гладят,
Целуют друг друга.
Смотрят на них
Анютины глазки,
Ревнуют Ивана к Марье,
Блестят на глазах
Не росинки, а слезы...

РАСТОПИЛА БЫ?

Если бы не боялась
Утонуть при наводнении,
Ты бы растопила
Мои айсберги
Своими горячими поцелуями?

ТАК БЫВАЕТ

Ты говоришь,
Не видел инопланетян,
Я – тоже.
Не расстраивайся:
После первой рюмки
Так бывает...

ОДНИМ СЛОВОМ

Одним грубым словом
Загубить столько поцелуев,
Испортить столько улыбок,
Наплевать в душу,
Даже не понимая,
Где эта душа находится!

ЦЕНА ПОЦЕЛУЯ

Ледниковый период,
Каменный век,
Железный век...
Сколько всего исчезает
При одном поцелуе!

БУДЬ ОСТОРОЖНА

Прошел мой каменный век:
Видишь,
Сколько вокруг камней,
Разбросанных мною.
Прошел мой железный век:
Посмотри,
Какие горы металлолома
Высятся вокруг нас!
Теперь я – атомный век!
Будь осторожна, не заводи меня,
Иначе я разнесу полмира
На мелкие кусочки!

ПРОСТРАНСТВО ДУШИ

Души пространство –
Бесконечность...

ВСПОМИНАЮ ОТЦА

Смотрю на этот дуб,
Вспоминаю отца:
Такой же кряжистый,
Такие же мощные руки,
Как ветки дуба,
Так же терпеливо слушает чирикание птах,
Как отец слушал наш детский лепет,
Когда мы взбирались к нему на плечи...

ВЫДУМАЙ СЕБЯ

Хочешь легкой жизни,
Научись выдумывать себя...

СУДЬБА

Вываться из тьмы –
И ослепнуть
От яркого света!

Тонуть в проруби рюмки,
Ухватившись за огурец,
Вынырнуть на несколько мгновений
И снова бухнуться в прорубь рюмки,
Забыв,
Что огурец –
Не соломинка!

РЕВНОСТЬ

Ах, эта Роза ветров!
Смотри,
Как бьет Ладога
Свой берег,
Ревнуня к Розе!

НЕ ПРОЧТЁШЬ

Я бы не советовал женщину
Сравнивать с книгой,
Ведь такую книгу
Никогда не прочтёшь,
Только удовлетворишься
Иллюстрациями к тексту...

Голики кустов над холмами
Небо метут,
Заметая тучки, как мусор...

ПОНЯЛ

Только узнав тебя,
Я понял,
Кто я на самом деле есть...

Антенны,
Как ухваты,
Хватают с неба
Блины туч...

Как ни крутись,
А круглее круга не станешь...

Река гложет берег,
Обсасывает,
Как львица
Мозговую кость...

И этот закат
Утонул в Ладоге!
Должно быть,
Все дно Ладоги
Выстлано не валунами,
А закаменевшими закатами солнца...

Хлебное поле до горизонта.
Колышется поле,
Колоски волнами убегают вдаль,
Туда, где на горизонте
Встречаются с небом,
Чтоб накормить его...

ВАСИЛЬКИ

Пережить осень,
Пережить зиму,
Весь год трудиться,
Чтобы расцвести весной
И попасть в букет –
Женщине,
Рыжей,
Пропахшей табаком,
Со сломанным ногтем
На мизинце левой руки...

ВЕТЕР

Одним порывом
Подхватил мусор
И унес неизвестно куда.
Ветер!
Как ты мне близок:
Тоже маюсь от разного мусора...
Хочется стать ветром,
Да не умею.

По горизонту
Ходили какие-то люди
И топтали, топтали ногами
Заходящее солнце...

ТЕЛЕВИЗОР

Утром включаю телевизор:
Жду,
Когда на ушах
Нависнет столько лапши,
Что хватит на варево.
Тем и питаюсь...

ПОЭТ

Его мысли
Унесут в своих головах,
Затолкав
В самый надежный угол
Под черепную коробку.

Его слова
Передадут, не заметив,
Как пошел процесс
«Свой-чужой».

А он останется,
Как одуванчик
Посреди скошенного поля,
Одинокий,
Обдуваемый всеми ветрами
Стебелек,
Не ведая,
Что его слова и мысли
Парашютиками
Разлетелись далеко-далеко...

Искал тебя в море, в небе.
А ты незабудкой стоишь
На неприметной лужайке...

ВЕЩИ

Смотрю на старую ложку,
Простую, алюминиевую –
Сколько солдатских щей было съедено,
Теперь лежит вместе с другими
Ненужными вещами.
Ей еще повезло:
Сколько вещей,
Как солдаты,
Пропали без вести!

Е.

Между пальцами
Вместе с воздухом
Протекает вечность.
Сожми пальцы,
Сотвори ладони –
Пусть хоть капельку вечности
Задержится на твоих ладонях.

Разрешешь ли тогда мне
Поцеловать их?

Для лошадников
Александр Македонский
Всего лишь пассажир
Знаменитого боевого коня Буцефала.

Смотрю на бабочку,
Думаю о тебе:
Ты такая хрупкая,
Доверчивая,
А пауку все равно –
Он опутал ее своей паутиной
И дожидается, когда
Бабочка выбьется из сил
И утихнет навеки.

Смотрю на бабочку,
Думаю о тебе,
Тревожусь...

В царстве твоих губ,
В царстве твоих рук,
В царстве твоих коленей
Только цветок
Останется цветком,
Не изменив себе,
А я – всего лишь человек!

Стану ли снова собой
После встречи с твоим поцелуем?
Стану ли снова собой,
Не встретив твой поцелуй?

Солнечный лучик
Нырнул в Вуоксу –
Вынырнул золотой рыбкой...

НЕ СОГЛАСЕН

Одинокое,
Дрожащее на ветру дерево
С опавшими листьями
Напоминает мне чей-то портрет...
Чей?
Неужели мой?
Я не согласен!

ТВОИ ГЛАЗА

Думал:
Сердце болит,
А это твои глаза
Горят в моей груди...

ВПОЛНЕ ДОСТАТОЧНО

Размер стопы 37 –
Вполне достаточен,
Чтоб измерить
Все окрестности мира.
Рост 165 –
Достаточная высота,
Чтобы с нее
Весом тела в 55 килограммов
Давить на землю,
Заставляя ее подчиняться
Своим желаниям.

Мудрость земли как понять,
Глядя на этих букашек, птичек, травы, леса,
На извилистую речку, бегущую по лугам?

Мудрость неба как понять,
Глядя на эти узоры облаков,
На сполохи зорь,
На грозы,
На чистое небо –
Когда ни одного облачка,
И по этой беспредельной чистоте
Летающая пара птиц?

Может, в том и мудрость земли и неба,
Что и птицы в парах,
И люди в парах,
И вишни в парах,
И звери в парах –
Одиночеству места нет!

В комнате смеха
Нет зеркала кривее,
Чем сама жизнь.

ОЗАРЁННАЯ УДИВЛЕНИЕМ

Ласкаю солнечный луч,
Корявыми пальцами щеочу ветер,
Нежно поглаживаю воду Вуоксы,
Разговариваю с облаками,
Слежу за виртуозным полетом чайки,
А может, и не чайка это,
А моя душа,
Озаренная удивлением...

ПОЦЕЛУЙ

Поцелуй – существительное и глагол –
Как скажешь;
Требование и просьба –
Как скажешь;
Эмоции или действия –
Как поступишь;
Встреча или прощание –
Как придется.

Лежал в траве,
Пытаясь понять язык трав.
Бродил по лесам,
Пытаясь понять язык лесов.
Лазил по горам,
Пытаясь понять язык гор.
Все испытал.
Теперь сидит за столиком во дворе,
Вместе с другими стариками
Пытаясь понять
Язык костяшек домино.

Вместо линии жизни
Он вдруг увидел
Улыбку любимой женщины,
Которая лучилась
На пространстве его ладони.

Еюй

Все пространство вокруг поросло
Мыслями о тебе,
Не просто пробраться по их зарослям,
Как по джунглям,
Пугают дикие звери,
Хищные птицы;
Останавливаешься в бессилии
Преодолеть эти бесконечные заросли мыслей о тебе,
Но вдруг замечаешь небольшой просвет
И снова возникает надежда,
И снова думаю о тебе,
Как о последней возможности
Выбраться туда,
Где на просторе безбрежном
Счастьем сияет любовь...

Сижу с собой.
В руке недопитый стакан надежд.
Слушаю, как Ева,
Стуча каблучками,
Возвращается в мое ребро...

Смотрю на грудь
Заросшую волосами,
Вспоминаю себя,
Когда жил в пещере
И охотился на мамонтов.

Со звезды на звезду,
Со звезды на звезду;
Как попал на землю –
Сам не знаю.

Солнце легло на крышу
Девятиэтажного дома
Греется, словно кошка.

Это не звезда вспыхнула в небе,
Это моя мечта
Встретилась, наконец-то,
С твоей...

КАК ЦВЕТЫ

На солнечных ладонях августа
Все женщины расцвели,
Как цветы...

МЕТЕЛЬ

Метель беременна ветром.
Все в напряженном ожидании,
Когда закончатся роды...

ДЕНЬ

День
Хищной птицей
Парит над землей.
Я, как хамелеон,
Постоянно меняю
Защитную окраску кожи.

СЛОВА

Вывавшись из губ,
Слова разлетаются, как птички,
С каждой веточки
Раздается их щебетанье....

НАДЕЖДЫ

Сколько надежд разбрелось по пыльным дорогам,
Сколько их не вернулось назад –
Знает только
Светлое будущее...

ТВОЙ СИЛУЭТ

Звезды зажженных окон
Вечер щедро рассыпал по городу.
На одной из звезд
Вижу твой силуэт...

В Вашингтоне день.
В Москве ночь.
На Западном фронте
Без перемен.

С утра стучит,
По всей груди раздается.
Думал: пишущая машинка стучит,
Печатает новые стихотворения.
Прислушался:
Оказывается, сердце!
А куда же делся тот человек,
Который сидел во мне и печатал стихи?
Неужели – в больницу?

Сижу на берегу Вуоксы,
Любуюсь золотыми рыбками солнечных бликов:
Какая энергия и красота,
Как они резвятся на ряби быстрых волн!
И грустно от того,
Что и эти золотые рыбки,
Нырнув в темноту речного дна,
Превратятся в ничто...

Весь день плавал, как корабль,
По различным инстанциям,
Преодолевая бурю,
Паля из пушек холостыми и боевыми залпами,
Или выкидывая белый флаг –
По обстоятельствам.
На ночь бросил якорь у острова дивана –
Отстояться, заделать пробоины.
Наутро главный бой за выживание –
Поход в ЖКХ.

ВСПОМИНАЮ ДОМ

Наш дом на окраине города Томска,
С высоким коньком,
С крытой террасой,
С нелепым садиком из одной березы и трех черемух,
В котором стоял дедом из досок сколоченный стол;
За ним собирались его приятели по воскресеньям,
Заводили умные разговоры,
Ругали какого-то Чемберлена,
А перед самой войной, в сорок первом,
Хвалили Гитлера за то,
Что он заключил со Сталиным договор о ненападении.
Мы, ребяташки,
Крутились вокруг стола,
Как земля вокруг солнца,
И не напрасно:
Всегда нам перепадало чего-нибудь вкусенького.
А когда взрослые
Нестройными голосами
Запевали «Шумел камыш,
Деревья гнулись,
А ночь темная была»,
Когда над садом начинали появляться сумерки –
Первые посланцы наступающей ночи,
Я занимал место на своей кровати,
Еще некоторое время слушая о том,
Как «Одна молоденькая пара

Всю ночь гула до утра». Я жалел эту пару, Представляя, как их накажут папы и мамы, Когда они, наконец, заявятся домой; Как их дедушки Будут кричать: «Бездельники! Вам бы только гулять, Никакой ответственности!

Теперь то место, На котором стоял наш дом, Превратилось из окраины в центр. Никто из жителей пятиэтажки Даже и не знает, Что когда-то на этом месте Стоял наш дом в четыре окна, С высоким коньком, С крытой террасой, С русской печкой в кухне, Что за этой печкой Жили сверчки И радостно пели нам Свои песенки...

Хожу по кладбищу стихотворений... В этом ряду под небольшими холмиками Лежат выкидыши, А в этом ряду – Погибшие при зачатии, А здесь – Жертвы аборт. Здесь – умершие при родах. А в этом ряду лежат, Не вынесшие наплевательского к себе отношения, Стихотворения классиков... Хожу, склоняя непокрытую голову, Со скорбью читая таблички на крестах...

От встречи наших взглядов
Родилось нечто,
В сути которого
Не можем разобраться
И по сей день.

НЕ СПЕШИ

Не входи в мое сердце,
Меня там еще нет...

Заглянул в тетрадь
Поставить свечу за упокой
Еще одного
Не родившегося стихотворения...

ИСПОЛЬЗУЙ КАК ЧЕРНОВИК

Любимая,
Если вдруг
Тебе станет ненужной
Память обо мне,
Не выбрасывай ее
В мусорное ведро,
Переверни на другую сторону,
Как лист бумаги,
Используй для черновика...

Смотрю на фото:
То ли ты улыбнулась радостно,
То ли показала свои острые зубки...

Самомнение –
Самая неприступная позиция
В битве амбиций...

МУХА

Утонуть в море чернильницы;
Нарваться на засаду липучки;
До смерти засахариться в меде.
Быть прихлопнутой мухобойкой.
А она все летает,
Поет свои песенки,
Довольная жизнью.

НЕ РИФМУЕТСЯ

Поэт написал стихотворение,
Для которого нашел великолепные рифмы,
Удачные метафоры,
Но эти виртуозные находки
Не задели читателей за живое,
Ведь все, что вокруг нас:
Кошки-собаки, женщины-мужчины,
Вода-огонь, свет-тьма и т.д. и т.д.
Никогда не рифмуется друг с другом...

ОСТАВЬ СОБАКУ

Работай над собой, совершенствуйся,
Изгони из себя все нехорошее,
Не держи в себе коварную змею, тем более тигра.
Но заведи собаку:
Всегда пригодится не только ее верность,
Но и острые клыки.

На дне моей бессонницы
Ты плаваешь русалочкой;
Слушаю твои волшебные песни,
Становлюсь аргонавтом,
Проплывающим
Мимо острова Сирен.

Умирает восход,
Отступая пред утренним светом;
Умирает закат,
Отступая пред тьмою ночной;
Умирает ревность,
Отступая перед любовью.
И все это повторяется каждый день,
Ибо каждое утро начинается снова с восхода;
И каждый вечер закат сгорает на небе;
И каждую ночь влюбленные шепчут друг другу
Только им известные дорогие слова...

ЯВИЛСЯ ШЕДЕВР

К поэту явился шедевр
С горестным видом:
По дороге ему кто-то
Оторвал оба крыла.

Лукаво прищурясь,
Дед сказал внуку:
«Чтобы птичку поймать,
Надо соли насыпать на хвост».

И подкрался внук,
Чтобы насыпать птичке
Соли на хвост,
А птичка вспорхнула
И была такова!

И внук решил:
В другой раз
Будет сыпать на хвост
Не соль, а сахар...

КАК НИ КРУТИСЬ

Как ни крутись перед зеркалом,
А мартышкой не станешь.

В день,
Который пришел с восходом солнца
И ушел с заходом солнца,
В этот день, надеясь на чудо,
Положив телефон в карман
Напротив сердца.
Слушал, слушал, слушал
Тишину,
Говорящую твоим голосом.

Когда улыбка твоя ещё не вынырнула
Из колодца бессонницы,
Где ты плаваешь,
По каким морям,
Какие приморские крепости
Громят пушки твоих кораблей
Из-за того,
Что комендант одной из них
Похитил и укрыл в своей цитадели
Твою Катрин?

Полиглот:
Всю жизнь переводил
С языка детства
На язык канцелярский,
На язык деловой,
На язык официальный;
На язык любви
Перевел с большими ошибками.

ЭГОИСТ

С трудом выбрался из себя
Напомнить, что он ещё жив...

ШЕПТУНЫ

Ох уж эти шептуны!
Нашёптывают.
Нашёптывают!
Особенно ночь:
Такое иной раз нашепчет,
Что просыпаешься
С больной головой...

Любимая,
Ты не знаешь истинную цену себе;
А узнаешь,
Не превратишься ли
В тысячекаратный алмаз,
Недоступный своей драгоценностью?

Жду тебя утром.
Жду тебя днем.
И вечером жду тебя.
Другой раз кажется,
Что в груди у меня
Не сердце, а зал ожидания.

И тут наши.
И там наши.
Тут воруют.
Там сбывают.
Там воруют.
Тут сбывают.
Как круговорот воды
В природе:
Тут испарится,
Там прольется,
Тут прольется –
Там испарится...

Куда ни кинь взгляд,
Куда ни сунься –
Везде наши,
Иначе давно бы
В окрестностях,
Прикрываясь кустарниками и холмами,
Выставив все достижение своей цивилизации против нас
В виде пушек, бомб и другой техники,
Приземлились бы
Инопланетяне.
Если везде наши,
Они и не приземляются,
Летают вокруг,
Замаскировавшись под воздух,
Выжидают,
Когда наши оплошают,
Уснут на посту
Или, например,
Расслабятся после баньки
За кружкой пива.

Приснилось:
Ты – планета,
Я – спутник.
Пиликаю, пиликаю,
Оповещаю, что я тут,
Совсем рядом,
Но ты продолжаешь
Вращаться вокруг солнца,
Все ближе придвигаясь к нему.

Конечно, солнце не то, что я,
Какой-то спутник.
Но ведь такая пламенность
Сожжет насмерть
При первом же поцелуе.
Хотел предупредить,
Да не успел...

ПОСЛЕ...

Горсткой праха
У ног твоих лягу,
А ты подумашь:
Это пыль...

Пылью дорожной
На плечи лягу,
Ты стряхнешь ее
Как ненужное существо.

Вздыблюсь гневно,
Заполнив пространство:
Ты прикроешь
Платочком лицо.

Лучше я
Лежать буду тихо,
Целовать
Ступни твоих ног...

Полюбил женщину –
Потерял свободу.

Не полюбил женщину –
Остался одиноким.

Выбор небольшой,
Но времени занимает столько,
Что хватает на всю жизнь...

Человек
Ведет на поводке
Собаку.
Тень собаки
Ведет тень человека на поводке.
Оба довольны.

Каждое утро
Каким-то чудом не испачкавшись,
Выбираюсь
По загаженной лестничной клетке
На свежий воздух
Только затем,
Чтобы каждый вечер,
Каким-то чудом
Не испачкавшись,
Пробраться по загаженной
Лестничной клетке
Обратно домой.

«Не пой чужих песен.
Как запоешь –
Ты им будешь свой человек,
Станешь такими же, как они!»
Так говорил мудрец.
Сам он не пел чужих песен,
Не пел и своих,
Чтоб не растревлять душу.

Ты ни разу не пересек океан,
А эта букашка,
Которой и название-то мало кто знает,
Только и делает что пересекает океан
На спине акулы...

Ох уж эта математика!
Отнять, прибавить, степень, равенство,
Квадратные скобки.
Отними,
Приплюсуй себе
И ты уже остепененный,
Тебе уже равенство не нужно,
Ты его пометил в квадратные скобки,
Как в концлагерь.

Принесут люди заботу,
Бери заботу.
Принесут люди грусть,
Бери грусть.
Принесут люди горе,
Бери горе.
Принесут люди счастье.
Но это уж слишком!

Ноги.
Ноги.
Ноги...
Лежит пьяница,
Смотрит на толпу.

ПАМЯТНИКИ

Стоят с протянутыми руками,
Словно нищие,
Просящие подаяния.
Или сидят,
Схватившись за голову.

Кто одет поприличнее,
Держится за свою одежду,
Чтоб не сперли.

В смертельном штопоре
Упало перо на землю:
Пролетела на юг
Стая гусей...

Весной утопился в любви.
Гражданская панихида
Состоится осенью
В городском ЗАГСе.

Кате Игнатъевой

Другие девочки
В песочнице
Строят свои замки,
А эта лепит их
Из своего лепета,
Укладывая лепет
В кирпичики слов.
Папа слушает,
Озаряя девочку
Своей улыбкой.

Все дело в том.
Чтобы вовремя выхватить
Нужное мгновенье
Из цепких лап вечности
И растянуть его так,
Чтобы хватило на всю жизнь.

Помешивая в чашке
Фамильным серебром
В виде алюминиевой ложечки
Какую-то бурду,
Которую называют именем
Генерального секретаря
Кофе Аннаном,
Чувствую себя
Причастным
К организации
Объединенных наций:
Нация Бразилия
Кофе поставляет,
Нация моя
Кофе пьет.

Навесить на себя
Все взгляды женских глаз,
Которые мог встретить,
И ходить,
Обвешанный ими,
Словно орденами,
Как ветеран
Мировой войны
Между женщинами и мужчинами.

Если б собратъ
Все поцелуи вместе,
На земле давно бы
Наступил мир:
Ведь поцелуям
Не до войны.

Пусти корни вглубь,
Как дерево;
Потом расти вверх
И будешь могуч.
Ты же, человек,
Растешь из пеленок,
Которые давно уже
Выбросили на помойку.

Члены ЛИТО «Приозерье». 2005 г.

Первый ряд (слева-направо): Арнольд Русаев, Екатерина Игнатъева, Тамара Нестерова, Владимир Аксёнов, Любовь Попкова, Владимир Миронов.

Второй ряд (слева-направо): Любовь Бойцова, Татьяна Котова, Людмила Трусова, Андрей Гусельников.

Спрашиваешь:
Почему сердце
Не может жить в одиночестве?
Может!
Но тогда
Сердцу надо иметь острые клыки,
Мощные когти,
Чтоб из чужих лап
Вырвать для себя добычу.
Согласись:
Это будет уже не сердце,
А нечто другое...

Всех счастливей
Живут губы
Среди поцелуев,
Среди заповедных слов.
Но отсутствие поцелуев их губит,
Как бескормица губит слонов.

Дорогая, подбрось мне еще один поцелуйчик,
Как в топку подбрасывают еще одно полено.
Чтобы пламя разгорелось получше,
Чтобы кровь разнесла тепло по венам.

СОБЛАЗНЁННЫЕ ВЕТРОМ...

Соблазненная ветром
Гулять на Ладоге
Под парусом белым,
Кто ты:
Быстроходная лодка
Или девушка юная
С волосами, как парус?

Восхищаюсь руками твоими:
Они, как крылья чайки,
Над Ладогой реют.

Восхищаюсь глазами твоими,
Бесстрашно глядящими
В сумрак дали озёрной.

Восхищаюсь грудью твоею:
Два скульптурных ее бугорка
Волны Ладоги, как младенцев, качают.

Восхищаюсь умом твоим,
Обитающим в твоей красивой головке.

Восхищаюсь губами твоими,
Обладающими прекрасной улыбкой.

Восхищаюсь твоим голоском,
Жаворонком летящим над Ладогой.

...Соблазненные ветром
Гулять под парусом белым
Вечерней порою,
Пока ветер попутный
Плывем мы,
И парус мчит нас туда,
Где закат догорает...

ИЗ ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ

2002-2005

Промозгло и темно...
Стучится дождь в окно.
Иной надежды нет –
Прогонит тьму рассвет.

Завыл во тьме Черныш.
И ты, мой пес, не спишь,
И ты боишься тьмы?
Дождемся света мы!

Жди! Утречко придет
Разгонит ночи мрак,
И солнышко взойдет,
А ты скулишь, чуждак.

Вот утречко пришло,
Но солнце не взошло.
Настал в стране рассвет,
А солнышка все нет!

Щекочет ноздри лесная прель.
Пряный воздух былых потерь.
Среди осота, среди болот
Как – непонятно – лесок живет!
По кочкам хитро петляет лис.
И птички стайкой вдруг поднялись.
И полосатый зверь бурундук,
Цепляясь лапой, прилег на сук.
Иду по лесу – живой в живом,
Гордясь с природой своим родством.
Подумать если, я, как и лес,
В болото жизни по горло влез.
Чтоб не втянула забвенья прель,
За сук хватаюсь, как этот зверь.

День настанет – упрешься лбом в стекло окаянное
И припомнишь минувшее,
подавляя в себе вспышки ярости.
За стеклом окна ветки клена шатаются пьяные.
Раздраженье с утра – признак силы иль признак слабости –
Не поймешь! Да и нужно ли такое понятие?
Вспоминая прошедшее, задним умом мы богаты!
Страшно попасть в воспоминаний объятия,
И не покаяться страшно, ведь за все бывает расплата:
И за то, что родился – своим появлением посеял надежду,
И за то, что надежды эти не оправдал безбожно,
И за то, что хотел поднять неподъемное прежде,
Наивно думая, что это вполне возможно,
И за то, что любил, и за то, что потом ненавидел,
И за то, что забыть хотел, вырвать с корнем из сердца,
Не понимая, что этим любовь лишь обидел,
Что от любви все равно никуда нам не деться!
Смотрит в окно на меня молча хмурая туча.
Меня укоряет туча своим молчанием...
Каюсь! Каюсь!
А покайся, будет ли лучше,
Уйдет ли прочь с покаяньем мое отчаянье?

Содержание

Предисловие. <i>М. Швец</i>	3
ИЗ КНИГИ «ВСТРЕЧА»	6
«На горной тропе...»	6
«Скажи, Вуокса, у тебя...»	6
ПРИЗНАНИЕ	7
«Я маминых слез не помню...»	7
«Среди множества снежинок...»	7
СТАРИК	8
НА ПОКОСЕ	8
СОНЕТЫ К ЛЮБИМОЙ	9
1. «Когда бы вовсе не было тебя...»	9
2. «Сильна природа мудростью своею...»	9
3. «Мечтал я встретить даму неземную...»	10
4. «На озеро легла ночная мгла...»	10
5. «Нет хуже тосковать среди полей...»	11
ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА	11
«Вновь сердце холодком охватит...»	12
ПИМЕН	12
«Скрылся за лесом хвост электрички. Стекает...»	13
«Ты говоришь, что я идеализирую тебя...»	13
«На этом свете все измерено...»	13
«Черемуху сразили наповал...»	14
«И в час печали, в час разлуки...»	14
«Слова...»	15
«Человек бился с врагом...»	15
«Тяжело слушать...»	15
«Я хочу быть тем мальчуганом...»	16
«Душа, как чайник...»	16
«Тот первый снег, который...»	16
«Мы в детстве рвались в небеса...»	17
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ	17
«Аэродром за рощей был. Когда-то...»	18
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА	18
«Когда из пике...»	18
«Полжизни ушло на моленье, горенье, боренье...»	19
«Был один на один с кабаном...»	19
«Задуман был сонет о том листочке...»	19
«Линия НКВД...»	20
«Каждое утро и вечер...»	20
ПАМЯТИ ИГОРЯ ТАЛЬКОВА	21
«В далекой стране под названием – «Юность»...»	21
«В детстве...»	22

«Сгорает, как заря...»	22
ГРОЗА	23
«Полумесяц, рот разинув...»	23
ШТОРМ НА ЛАДОГЕ	23
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК	24
СУВОРОВ	24
СТАРЫЙ МИФ	25
СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО	26
ПЯТЬ СОНЕТОВ К САМОМУ СЕБЕ	27
1. «Понять себя? Да если б стало сил...»	27
2. «Порой осенней жалки и пусты...»	27
3. «Но тщетно: нам не избежать разлуки...»	28
4. «Чтоб подниматься с каждым годом выше...»	28
5. «И, значит, снова плодородье будет...»	29
ИЗ КНИГИ «СРАВНЕНИЯ»	30
О ЛЮБВИ ГОВОРЯТ	30
«Большие неясные тени...»	30
«Говорят, Луна и месяц...»	30
ДАНАЯ	31
«Ювелирная работа...»	31
«Первый снег...»	31
«Какие великие произведения...»	31
«Гераклу...»	32
«Ты не облако и тем более не озеро...»	32
«Своим гневным окриком...»	32
«Говорят, Молчанье – золото...»	32
«Когда нам было по 17...»	33
«Творя тебя...»	33
ЯНУС	34
«На кладбище тихо...»	34
«Девушку можно сравнить с березкой...»	34
«Лес добрый...»	35
«Когда пила слов жены...»	35
«Нет, я не плачу...»	35
«В нашем вчера было нечто...»	36
«Любовь...»	36
«В одиночестве...»	36
«Засмотреться...»	37
«Холодными шупальцами...»	37
«Она долго говорила о том...»	37
«Отвага человека в душе...»	38
«Не знаю...»	38
«Разве жизнь – болото?...»	38
«Век высоких технологий...»	38

О ГРАММАТИКЕ	39
ЖИВОПИСЬ	40
«Когда все сказано...»	40
«Опус Бетховена № 13...»	40
«Однажды длинношей жираф...»	41
«Все дело в диалоге...»	41
ТАК ХОРОШО!	42
«Хотел написать стихотворение...»	42
«О, эта необходимость...»	43
НОЧНОЕ НЕБО	43
«Чудовище коварное...»	43
«Счастье мое...»	43
«Слепой Гомер...»	44
«Изгнать бесов...»	44
«Господи...»	44
«Иван (Йоханаан) убежал в Израиль...»	44
«Слово...»	44
«Тихо падают снежинки...»	45
«Чужую правду называем мифом...»	45
«Вижу человека...»	45
«Только на лезвии ножа...»	45
«Завидую...»	46
СЕНТЯБРЬ	46
«Первые дожди...»	46
«Ветви листочками...»	46
«Думается...»	46
«Душу вывернуть...»	47
«С годами лысеющая голова...»	47
«Осенние листья...»	47
ИЗ КНИГИ «В ПУТИ»	48
«Над Россией и крест и звезда...»	48
«Читал я: красота спасет весь мир...»	48
«Аршином нас измерить не берись...»	48
«Где мы живем, о том мы не поем...»	49
У ТЕЛЕВИЗОРА	49
ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР	50
«...А музыка звучала вечно...»	50
«...Вот и твоя могилка, сынок...»	51
«Увидел я любимое лицо...»	51
«Каждой ласке и слову веря...»	51
АУСПИЦИИ	52
ТРОПИНКА	52
«Совет мужик меня быть в паре...»	53

ИЗ КНИГИ «НАШИ ДНИ»	54
ЭТО ОБЛАКО... ..	54
«Выпьем мы и снова запоем...»	54
«Ты помнишь как все мы бухтели...»	55
«Мужики толпятся возле бочки...»	55
«Есть в России игра всенародная...»	56
«То ли я того немного, то ли я чего-то взбрел...»	56
АННА ИОАННОВНА, ИМПЕРАТРИКС!	57
ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР	58
«А земля одна...»	58
МОЛЧАЛЬНИКИ	59
«Как барабан револьвера, земля кругла...»	59
ТРЕВОЖНЫЕ ДУМЫ	60
МЫ	60
ИЗ КНИГИ «ГРАНИ»	62
ЗАКОН О ПЯТИ КОЛОСКАХ	62
«Когда мы, пятеро гавриков, садились за стол...»	65
ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ	66
ДВАДЦАТЫЙ ВЕК	67
«У тебя своя позиция...»	67
«Поглядел в окно...»	67
«Все прошло – и когда? – не заметил...»	68
«За любовью – нелюбовь...»	68
«Посмотри, как корни эти...»	68
«После операции лежу...»	69
ПОЭТ МАРК АНЕЙ ЛУКАН	70
НА ДАЧЕ	71
«Говорила бабушка таковы слова...»	71
«Люди плюют на землю...»	72
ПРЯМАЯ РЕЧЬ	72
«Любовь прошла как испуг...»	73
«По лесам ходил не этим...»	73
«Я не знаю, что со мною будет...»	73
«В империи, где я император...»	74
МАРК КРАСС	75
«Хоронили Егора...»	76
БОРЦЫ ЗА СЧАСТЬЕ	76
ЦИЦЕРОН	77
«Ты радостен или печален...»	78
«Из всей мировой культуры...»	78
«Средь тягот и скорбей...»	78
ПРИОЗЕРСК	78
ИЗ КНИГИ «НАДЕЖДА»	79
КОРЫСТЬ	79

«Неужели это горе, словно море...»	79
ИЗ ПОХОДА ВОЗВРАТЯСЬ...	80
«Мне почудилось: будто бы дуб вековой...»	81
«Иностранцы пары, разодетые в пух и прах...»	81
«Где же наши славянские корни?..»	82
«Молящий Бога...»	82
ПТИЧКА	83
ХОРОШО СИДИМ!	84
НЕ ОЖИДАЛИ	85
ВЕЩИ	86
НА ПОКОСЕ	86
ГОСПОДА	86
ЕСЛИ БЫ ПУШКИН	87
ДВОЕ	87
«Дядя Боря трет живот...»	87
ДЕЛО В КРЕСТЕ	88
«Шумим, как волны бьемся...»	89
ИУДА	89
«Выпало счастье-несчастье – поймешь ведь не сразу...»	90
«На улице жарко, на улице смрад...»	90
«Среди зла и лжи, среди коварства...»	90
ВОРОНА	91
ГАЛИЛЕЙ	91
ТОПОЛИНЫЙ ПУХ	92
«А в жизни так, что тех голгоф...»	92
СВЕРЧОК	93
ВЕРНЫЙ ПЕС	94
ИЗ КНИГИ «МНОГОГРАННИК»	95
УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ	95
ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ	96
СТАРУШКА ТЕСТО МЕСИТ	97
«Не знаю как, но дожил до седин...»	98
ЖИЛ НА СВЕТЕ	98
«Две синички спускаются лихо...»	99
КИРИЛЛИЦА	99
ДЕНИС ДАВЫДОВ	100
ДОСТОЕВСКИЙ	100
«Мой отец перед смертью...»	101
МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ	101
«Когда укроюсь с головой...»	103
«Мне не грозит влюбиться в Вас...»	103
ГЕКЗАМЕТРЫ	103
1. «Сложен любой человек из костей, сухожилий и мяса...»	103
2. «Для здоровья, профессор, весьма поцелуй мне полезен...»	103

ИЗ КНИГИ «И СНОВА КОЛОКОЛ ЗВОНИТ»	104
«Лишь Ты и я, и эти звезды в ясной выси...»	104
НЕ ВЕДАЛИ, ЧТО ТВОРИЛИ	104
«Циники, эмпирики, софисты...»	106
«Читаю Твою Заповедь ночами...»	106
«Я заблудился в памяти моей...»	106
«Где взять мне мудрости житейской...»	107
«Золотого солнца кольцо...»	107
БЛАГОДАРНОСТЬ	108
«Скособоченные хибарки...»	109
«Эти улитки...»	109
«Печальница русская, Большая Медведица...»	110
«Сколько тех, кого я видел...»	110
«Не говори мне: «Счастья нет!»...»	110
«Ты говоришь: «Верлибр»...»	111
ИЗ КНИГИ «ЗЁРНА»	113
ЖИЛА НА СВЕТЕ ДЕВОЧКА	113
«И ночью Ладога не спит...»	113
«Веточкой листочки я раздвину...»	114
ФРУКТЫ	114
В СКУЛЬПТУРНОЙ ГАЛЕРЕЕ	114
ВОЛК	115
«Мелеет Вуокса. Камни, как бусы...»	115
«Не случайно слова рифмуются...»	115
«И грянул гром. И запах серы...»	116
КВИНТ ГОРАЦИЙ	117
«Жизнь – качели: то правда, то ложь...»	118
«На линии Маннергейма тихо...»	118
ШАРОВАЯ МОЛНИЯ	118
«В мире этом жизнь не проста...»	118
АПЛ «КУРСК»	119
ФИЛОСОФ ФАЛЕС	120
«Ничего! – думаешь другой раз...»	120
«Когда пуля тело твоё ожжет...»	121
«Боже мой, как они целовались...»	121
ХРАБРЕЦ	122
ДИОГЕН	122
«Больше всего на свете боюсь...»	123
«Говорят, что между адом и раем перегородка тонкая...»	123
«И дважды, и трижды пропел петушок...»	124
«Когда пройдет полста...»	124
«Стучит и стучит дятел...»	124
НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ	125
«Может, время в себя заглянуть?...»	125

ПАМЯТИ МАРТЫ	126
АРЕСТ	127
«Все, что меня давно давило...»	128
НА СМЕРТЬ БАБОЧКИ	128
«Всю ночь они целовались...»	128
ДИВАН	129
«Ветер, как великий капельмейстер...»	131
«Пила с утра поговорить любила...»	131
«Пасхальный день. Вдруг с неба снежный вихрь...»	131
«Моя мама жила по соседству...»	131
«Сон приснился, к чему бы такое?...»	132
СУХОСТОЙ	133
КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА	133
«Встала, взбила постель, покрывало...»	134
ПОХОРОНЫ ПОЭТА СЕРГЕЯ АНДРИЯХИНА	134
«Черные дыры на небе меня беспокоят...»	134
«Прокуратор Пилат сегодня не в духе...»	135
«И долетел до самых звезд...»	135
«Сколько написано о Цезаре славном...»	136
«Уж сколько раз в любви горел, как в танке...»	136
ОСЕНЬ	136
«Ангел свиданий...»	137
«Это кто же на фотографии миленький, как ангелочек?...»	137
МАРИЯ КЕКСГОЛЬМСКАЯ (Поэма)	138
ДВЕ МОЛИТВЫ	144
СПРАВЕДЛИВОСТЬ	144
ТОЛЬКО ТИК, ТОЛЬКО ТАК!	146
МАРИЯ СПИРИДОНОВА	147
ЧАЙНИК	148
«Ты можешь представить себе Нерона в носилках...»	149
«Знал ли вещей Нострадамус...»	150
«Можешь представить, каким я был влюбленным...»	150
КОЧКА	151
ОКНО	152
«Что, душа моя, опять тебе тоскливо...»	153
ИЗ КНИГИ «БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ»	153
ПСАЛОМ 3	153
ПСАЛОМ 4	153
ПСАЛОМ 6	154
ПСАЛОМ 11	154
ПСАЛОМ 12	155
ПСАЛОМ 14	155
ПСАЛОМ 69	155
ПСАЛОМ 70	156

ПСАЛОМ 72	157
ПСАЛОМ 73	157
ПСАЛОМ 74	158
ПСАЛОМ 79	158
ПСАЛОМ 81	159
ПСАЛОМ 82	159
ПСАЛОМ 89	160
ПСАЛОМ 93	160
ПСАЛОМ 97	161
ПСАЛОМ 100	161
ПСАЛОМ 102	161
ПСАЛОМ 106	162
ПСАЛОМ 111	163
ПСАЛОМ 114	163
ПСАЛОМ 115	163
ПСАЛОМ 118	164
ПСАЛОМ 119	165
ПСАЛОМ 124	165
ПСАЛОМ 126	165
ПСАЛОМ 127	166
ПСАЛОМ 132	166
ПСАЛОМ 138	166
ПСАЛОМ 143	167
ПСАЛОМ 149	167
ИЗ КНИГИ «НА ИЗЛУЧИНЕ»	168
«Пишу коротко...»	168
«Я не сочиняю...»	168
«Разные бывают стихи...»	168
«Поэзия...»	168
ПРИЧАСТИЕ	169
ЕСЛИ СОЕДИНИТЬ	169
«Лежу на лужайке...»	169
«Когда я не знал тебя...»	170
СОН	170
АНАЛОГИИ	170
«Про измену князя Курбского Ивану Грозному...»	171
ЖДЕШЬ ЛУЧШЕГО	171
«Одно воспоминание...»	171
«Хмурое небо...»	172
АРИФМЕТИКА	172
ТРАВА	172
«Прогресс, обгоняющий время...»	173
«Глас вопиющего в пустыне...»	173
А МЫ-ТО ДУМАЛИ...	173

БУДЬ ПРОСТ	173
ЧТО НАДО?	174
«Колодец детства...»	174
«Дождинки...»	174
«Река нашей любви...»	175
«Женщина ушла...»	175
ВЕЧЕРОМ	175
КТО Я?	175
«Глаза твои как весна...»	176
СНИСХОДИТЕЛЬНОСТЬ	176
ЛИНИЯ ЖИЗНИ	176
«Была звездой на небе...»	176
«Выглянул в окно...»	177
ОПЕРАЦИЯ	177
ТАК ХОЧЕТСЯ!	178
«Даже вечность...»	178
ПАРАНГОН	179
«В капле росы...»	179
«Мечь – это кровь...»	179
ПРИНЦИПЫ	179
«Я принес тебе на ладонях...»	180
А МЫ ГОВОРИМ	180
«Когда лепестки свои...»	180
«Брюки долго искали две ноги...»	180
«Ты видела того чудака...»	181
«День пришел и ушел...»	181
«Осторожно пробраться...»	182
«На своей войне ты – герой...»	182
«Сколько переваренных объятий!...»	182
«Вешал белье на балконе...»	183
«Растопить твои ледники?...»	183
«А земля прекрасна...»	183
ВЕТЕР РЕВНОСТИ	183
«Тишина...»	184
ТРАВКА	184
«Как относится огонь к темноте...»	184
ЛИСТЬЯ	184
ПОДМЕЧЕНО	185
«Одиночество...»	185
«Строгал, пилил...»	185
ТУРИСТЫ	185
БОРЬБА	185
КОРЕНЬ ЗЛА	186
ШЛЯПА	186

УТРО	186
«Господи!...»	186
СУДЬБА	186
ВРЕМЯ	187
КВАРТИРА	187
КАК ПОДУМАЕШЬ	187
«Этот день без труда...»	187
«Только пуля...»	187
ЕСЛИ СКАЖЕШЬ	188
«Какая ты женщина...»	188
«Как ты похожа...»	188
«Как слепит...»	188
НЕПРИМИРИМОСТЬ	188
ПОЛЕТ ПТИЦ	189
«Хотел написать стихотворение...»	189
ПРИВЫЧКА	189
КТО МОЖЕТ	190
«Звезды желтеют...»	190
МЫ	190
«От сердца к сердцу...»	190
«Опять выхожу на дорогу: вдоль нее коровьи блины...»	190
«Дом одноглазым окном сумрачно смотрит...»	191
СВИДАНИЕ	191
«Ты воздухом была...»	192
«Человек проснулся...»	192
«Достойная семья...»	193
ЛОЖЬ – ПРАВДА	194
«Ты – как роза...»	194
МИГ	194
«От поцелуев лужи с сапогом...»	194
«Грудь Ладоги...»	194
ПОЭЗИЯ	194
ПИСАЛ О МЕЧТЕ	195
МЫСЛИ	195
ПОХОЖИЕ	195
«Наклонилась она над розой...»	195
БУДЬ ОСМОТРИТЕЛЬНЫМ	195
ЦВЕТЫ	196
РАСТОПИЛА БЫ?	196
ТАК БЫВАЕТ	196
ОДНИМ СЛОВОМ	196
ЦЕНА ПОЦЕЛУЯ	197
БУДЬ ОСТОРОЖНА	197
ПРОСТРАНСТВО ДУШИ	197

ВСПОМИНАЮ ОТЦА	197
ВЫДУМАЙ СЕБЯ	198
СУДЬБА	198
«Тонуть в проруби рюмки...»	198
РЕВНОСТЬ	198
НЕ ПРОЧТЁШЬ	198
«Голики кустов над холмами...»	198
ПОНЯЛ	199
«Антенны...»	199
«Как ни крутись...»	199
«Река гложет берег...»	199
«И этот закат...»	199
«Хлебное поле до горизонта...»	199
ВАСИЛЬКИ	200
ВЕТЕР	200
«По горизонту...»	200
ТЕЛЕВИЗОР	200
ПОЭТ	201
«Искал тебя в море, в небе...»	201
ВЕЩИ	201
«Между пальцами...»	202
«Для лошадиников...»	202
«Смотрю на бабочку...»	202
«В царстве твоих губ...»	203
«Стану ли снова собой...»	203
«Солнечный лучик...»	203
НЕ СОГЛАСЕН	203
ТВОИ ГЛАЗА	203
ВПОЛНЕ ДОСТАТОЧНО	204
«Мудрость земли как понять...»	204
«В комнате смеха...»	204
ОЗАРЁННАЯ УДИВЛЕНИЕМ	205
ПОЦЕЛУЙ	205
«Лежал в траве...»	205
«Вместо линии жизни...»	205
«Все пространство вокруг поросло...»	206
«Сижу с собой...»	206
«Смотрю на грудь...»	206
«Со звезды на звезду...»	206
«Солнце легло на крышу...»	207
«Это не звезда вспыхнула в небе...»	207
КАК ЦВЕТЫ	207
МЕТЕЛЬ	207
ДЕНЬ	207

СЛОВА	207
НАДЕЖДЫ	208
ТВОЙ СИЛУЭТ	208
«В Вашингтоне день...»	208
«С утра стучит...»	208
«Сижу на берегу Вуоксы...»	208
«Весь день плавал, как корабль...»	209
ВСПОМИНАЮ ДОМ	209
«Хожу по кладбищу стихотворений...»	210
«От встречи наших взглядов...»	211
НЕ СПЕШИ	211
«Заглянул в тетрадь...»	211
ИСПОЛЬЗУЙ КАК ЧЕРНОВИК	211
«Смотрю на фото...»	211
«Самомненье...»	211
МУХА	212
НЕ РИФМУЕТСЯ	212
ОСТАВЬ СОБАКУ	212
«На дне моей бессонницы...»	212
«Умирает восход...»	213
ЯВИЛСЯ ШЕДЕВР	213
«Лукаво прищурясь...»	213
КАК НИ КРУТИСЬ	213
«В день...»	214
«Когда улыбка твоя ещё не вынырнула...»	214
«Полиглот...»	214
ЭГОИСТ	214
ШЕПТУНЫ	215
«Любимая...»	215
«Жду тебя утром...»	215
«И тут наши...»	215
«Куда ни кинь взгляд...»	216
«Куда ни сунься...»	216
«Приснилось...»	216
ПОСЛЕ	217
«Полюбил женщину...»	217
«Человек...»	217
«Каждое утро...»	218
«Не пой чужих песен...»	218
«Ты ни разу не пересек океан...»	218
«Ох уж эта математика!»	218
«Принесут люди заботу...»	219
«Ноги...»	219
ПАМЯТНИКИ	219

«В смертельном штопоре...»	219
«Весной утопился в любви...»	219
«Другие девочки...»	220
«Все дело в том...»	220
«Помешивая в чашке...»	220
«Навесить на себя...»	221
«Если б собрать...»	221
«Пусти корни вглубь...»	221
«Спрашиваешь...»	223
«Всех счастливей...»	223
СОБЛАЗНЁННЫЕ ВЕТРОМ...	224
ИЗ ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ	225
«Промозгло и темно...»	225
«Щекочет ноздри лесная прель...»	225
«День настанет – упрушься лбом в стекло окаянное...»	226

АКСЁНОВ
Владимир Иванович

ГODOVЫЕ КОЛЬЦА
Избранные стихотворения

ИП Генкин А.Д.
Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»
197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40,
Тел/факс (812) 766 05 66
E-mail: RENOME@comlink.spb.ru
Редакция
Тел. (812) 773 92 83
E-mail: schvec@mail.ru

Подписано в печать 16.02.2006
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15. Тираж 200. Заказ № 78

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»